НИКА БОЛОЦКАЯ

Я ТЕПЕРЬ НИЧЬЯ

Ника Болоцкая
Я теперь ничья

https://litres.ru/75061079
SelfPub; 2026

Аннотация

В тот вечер муж принёс мне фисташковый торт. А потом сообщил, что почти год спит с другой. И она беременна.

Шестнадцать лет брака. Общий дом, мечты, привычки. Всё рухнуло за несколько минут.

Мне сорок. Я не умею красиво уходить, держать лицо и начинать жизнь с чистого листа. Зато умею плакать в ванной, ревновать к чужим фотографиям и делать вид, что всё нормально.

Я сбежала под Петербург, устроилась в загородный отель и решила: никаких больше мужчин.

Но появился Андрей. Взрослый, упрямый, невыносимый. Мужчина, рядом с которым мне снова захотелось смеяться, целоваться и просыпаться по утрам.

Только у него свои секреты. А у меня больше нет сил переживать ещё одно предательство.

Я уже однажды отдала мужчине шестнадцать лет жизни. И страшно представить, что снова готова рискнуть сердцем.

Ника Болоцкая
Я теперь ничья

Глава 1. Фисташковый торт

В тот вечер муж принёс домой фисташковый торт.

Не цветы, не вино, не коробку с серьгами, которыми обычно пытаются загладить вину. Торт. Небольшой, в белой коробке, перевязанной зелёной лентой. Из той самой кондитерской, где за кусок бисквита просили столько, будто лично выращивали фисташки на Луне.

— У нас праздник? — спросила я.

Костя поставил коробку на стол и снял пальто. Делал он это медленно, с особым вниманием к каждой пуговице. Так люди разуваются в прихожей, когда знают, что дальше их ждёт неприятный разговор, а сбежать уже поздно.

— Нам нужно поговорить, Алина.

Я посмотрела на торт.

— Ты пугаешь меня. Это что-то серьёзное? — спросила я и почему-то всё ещё улыбалась. — Подожди, я чай налью.

Он не улыбнулся. Я тоже перестала.

Косте было сорок четыре. За шестнадцать лет я научилась по его лицу понимать всё: когда он врёт, что пробок не было, когда сердится на начальника, когда покупает подарок и ждёт похвалы. Я думала, что научилась. В тот вечер передо мной сидел какой-то чужой человек.

Сейчас он даже не взглянул на часы.

— Я встречаюсь с другой женщиной, — сказал он.

Я стояла у кухонного острова с полотенцем в руках. Только что вытерла чашку и собиралась поставить её в шкаф. Помню эту нелепую деталь с фотографической ясностью: белая чашка, синяя полоска у края, капля воды на ручке.

— Давно? — спросила я.

— Алин…

— Сколько?

Он посмотрел на столешницу.

— Почти год.

Год.

Четыре сезона, двенадцать месяцев, два наших отпуска, его операция на колене, мой сороковой день рождения. Год, в котором я искала подарки его матери, подбирала ему костюм на юбилей компании, ругалась с ним из-за бесконечного ремонта в ванной и засыпала, положив ладонь ему на плечо.

Всё это время у мужа была другая женщина.

— Как её зовут?

— Карина.

Очень хорошее имя. Приятное, простое. Я могла бы познакомиться с Кариной на работе и спросить, какой кофе она любит. А теперь мне хотелось узнать, каким образом её имя поместилось в моём доме и заняло столько места.

— Кто она?

— Мы познакомились на одном проекте. Она маркетолог.

— Я не спрашивала профессию, Костя. Я спрашивала, кто она для тебя.

Он открыл рот, закрыл. Вздохнул.

— Это серьёзно.

Было бы проще, если бы он сказал какую-нибудь гадость. Что я постарела, охладела, перестала его понимать. Я могла бы разозлиться, запустить в него чашкой, а потом жалеть о чашке. Но он сидел напротив и говорил с таким видом, будто сообщает об изменении расписания поездов.

— Ты уходишь? — спросила я.

— Я не хочу, чтобы ты узнала всё случайно.

— Почему ты не сказал раньше? Я же каждый день спрашивала, всё ли с нами нормально.

— Не надо так.

— Я не знаю, как мне сейчас говорить, Кость. Понимаешь? У меня руки трясутся.

Он вдруг сел, словно ноги перестали держать.

— Карина беременна.

Я почему-то посмотрела на свои руки. На безымянном пальце было кольцо, которое Костя надел мне в загсе. Я попыталась его снять и не смогла. Палец будто распух за одну минуту. «Ну и ладно, — сказала я про себя. — Не сейчас». Потом попросила у него стакан воды, хотя до крана было два шага. Он налил, пододвинул. Я не смогла сделать ни глотка.

— Я думала, у нас тоже будет ребёнок, — произнесла я и

сама испугалась этих слов. Мы перестали говорить об этом лет пять назад, когда два обследования, бесконечное ожидание и неудачная попытка оставили нас без сил. Мне казалось, мы научились жить дальше. Оказалось, я просто научилась не поднимать эту тему.

Полотенце выскользнуло из рук.

Больше ничего не произошло. Никто не упал. Я не закричала. Даже холодильник продолжал тихо гудеть у стены. Соседи за окном ругались из-за парковочного места. Мир не заметил, что в моей кухне только что закончились шестнадцать лет жизни.

— Сколько? — спросила я.

— Что?

— Какой срок?

— Двенадцать недель.

Я кивнула, хотя никакой причины кивать не было.

Двенадцать недель назад мы ездили к его родителям на дачу. Константин чинил калитку, я резала овощи для салата. Вечером мы долго сидели на веранде и обсуждали, не поехать ли осенью в Италию. Он говорил, что на работе всё идёт хорошо и он наконец сможет взять отпуск.

Теперь я понимала, почему осенью ему, вероятно, будет не до Италии.

— Ты счастлив? — спросила я.

Он посмотрел на меня так, будто вопрос был жестоким.

— Алин, всё не настолько просто.

— Хорошо. Тогда давай сложный ответ.

— Я не собирался, чтобы всё так вышло.

— Я не понимаю, как это могло случиться. То есть понимаю, конечно. Господи, зачем я вообще это спрашиваю?

— Хватит.

Он повысил голос, но тут же опомнился. За годы брака Константин хорошо освоил одну вещь: сначала ставить меня в положение, в котором невозможно не сорваться, а потом объяснять, что разговаривать со мной тяжело.

Я аккуратно поставила чашку на стол.

— Ты уже решил, как мы будем жить дальше?

— Нам нужно спокойно обсудить имущество. Я хочу, чтобы у тебя всё было нормально. Ты же знаешь, я не оставлю тебя без помощи.

Вот тогда меня и затрясло.

Не от самой измены. Не от беременности незнакомой Карины. От слова «помощь».

Я двенадцать лет работала в гостиницах. Начинала на стойке регистрации, потом стала старшим администратором, а последние три года управляла небольшим отелем. Уставала, иногда плакала после особенно тяжёлых смен, но зарплату получала честно. Я сама покупала продукты, кофемашину и половину мебели в этой квартире. Когда у Кости провалился первый проект, мы полгода жили на мою зарплату. В нашей семейной бухгалтерии было много общих страниц, и я никогда не считала, кто кому что должен.

А теперь он сидел напротив и великодушно обещал мне помощь.

— Не говори так, пожалуйста, — попросила я. — Будто я уже чужая, а ты собираешься быть ко мне великодушным.

— Я не это имел в виду.

— Ты правда уже всё решил? И где я буду жить, и на что? Даже не спросил, чего хочу я?

— Ты специально всё выворачиваешь.

Я прислонилась к шкафу. Мне хотелось сесть, но если бы я села, не была уверена, что смогу встать.

— Она знает, что ты женат?

— Да.

— Знает, что мы вчера вместе ужинали с твоей сестрой? Что в воскресенье ты поедешь с моим отцом выбирать ему новый холодильник?

— Алин…

— Она знает, что ты обнимаешь меня перед сном?

Тут он отвернулся.

Я увидела и поняла. Наверное, за этот год Костя придумал для Карины какую-то другую жену. Несчастную, холодную, чужую. Женщину, с которой они давно живут как соседи. Это не обязательно было ложью целиком. В последние месяцы мы действительно меньше разговаривали. Иногда я засыпала раньше него. Иногда он уходил на работу, пока я стояла под душем.

Но я не знала, что наш брак закончился. А он знал и про-

должал в нём жить.

— Ты её любишь?

Он молчал долго. Слишком долго для человека, который собирался говорить правду.

— Мне с ней хорошо.

Я рассмеялась. Звук получился совершенно дурацкий.

— Знаешь, мне тоже бывает хорошо. Например, когда стиральная машина не скачет по ванной. Но я не завожу от неё детей.

— Давай без издёвок.

— Перестань говорить со мной таким голосом. Как будто мы подписываем бумаги. Я же твоя жена.

Он провёл ладонью по лицу.

— Я понимаю, что сделал больно.

— Нет, Костя. Ты пока только сообщил новость. Боль начнётся, когда я начну вспоминать всё за последний год и думать, в какой именно вечер ты мне врал.

Я взяла со стола телефон. Экран загорелся. На заставке стояла фотография, сделанная прошлым летом. Мы сидели на лодке, он обнимал меня сзади, я щурилась от солнца и улыбалась. На меня смотрела женщина, которая была уверена, что её любят.

Хотелось предупредить её. Нельзя, конечно. Время, в отличие от мужа, ещё не научилось вести двойную жизнь.

— Где ты сегодня будешь ночевать? — спросила я.

Он поднял голову.

— Я хотел остаться. Нам нужно ещё многое обсудить.

— Обсудим завтра. По телефону.

— Я тоже здесь живу, Алин.

Я подняла глаза. Кажется, он сам испугался собственных слов.

— Знаю, — сказала я, ненавидя собственный дрожащий голос. — Но, Кость, пожалуйста, переночуй где-нибудь ещё. Я не выдержу, если мы сейчас просто ляжем спать, как будто ничего не было.

Он помолчал. Потом поднялся, забрал пальто, ключи, телефон. На пороге задержался.

— Алин, я не хотел тебя потерять вот так.

— А я думала, ты меня любишь, — вырвалось у меня. — Представляешь, какая дура. До сегодняшнего вечера думала.

Он опустил глаза и вышел.

Я закрыла дверь, повернула замок и постояла, прислушиваясь к тишине. Мне казалось, что сейчас я должна немедленно что-то сделать: разбить фотографию, смахнуть вещи с полок, написать Карине, позвонить родителям. Психика перебирала варианты, как официант меню для человека без аппетита.

Вместо этого я вернулась на кухню.

Торт так и стоял на столе.

Я развязала зелёную ленту, открыла коробку и увидела аккуратные завитки крема. Рядом лежала маленькая пластиковая ложечка, видимо, на случай, если клиент решит пере-

жить катастрофу прямо у кассы.

Отрезала кусок. Съела, стоя у окна.

Торт был чудесный.

Это показалось особенно оскорбительным.

На третьем кусочке я наконец заплакала. Не красиво, как в кино. С закрытым ртом, чтобы не подавиться, с кремом на пальцах и такой злостью, что пришлось сесть прямо на кухонный пол.

Я плакала с перерывами, как плохо работающая сигнализация. То минуту сидела тихо, то меня снова накрывало. В какой-то момент набрала Костин номер, чтобы спросить, тепло ли он оделся, и только услышав гудки, вспомнила, зачем он ушёл. Сбросила вызов и расплакалась ещё сильнее. Из всех унижений этого вечера такое собственное движение к нему оказалось самым обидным.

Муж изменял мне почти год. Его любовница ждала ребёнка. Наш брак, судя по всему, закончился задолго до сегодняшнего вечера.

А я до сих пор знала, сколько сахара он кладёт в чай.

Вот что было хуже всего.

Глава 2. Не бери с собой лишнего

Утром меня разбудил звонок свекрови.

— Алиночка, доброе утро. Вы с Костей в субботу приедете? Я холодец поставила, а он, кажется, опять уехал в командировку.

Я посмотрела на часы. Семь сорок две. После ночи, про-

ведённой между кухней и спальней, слово «доброе» звучало как издевательство.

— Не приедем, Людмила Павловна.

— Что-то случилось?

Я была уверена, что она не знает. Это было слышно по голосу, по привычному недовольству сыном, по тому, как она на заднем фоне ругала кота за попытку стащить мясо.

— Спросите Костю, — сказала я. — Он объяснит.

— Вы поругались?

— Да. Очень.

— Господи, дети, вам же не по двадцать лет. Можно ведь без этих драм.

Я закрыла глаза. Страшно хотелось рассказать ей всё немедленно, красиво, с расстановкой, по возможности с участием нотариуса. Но объяснять матери, что её сын ждёт ребёнка от другой женщины, было всё-таки его работой. Хоть одну неприятную обязанность за последние шестнадцать лет он мог выполнить самостоятельно.

— Мне нужно идти, — сказала я. — Простите.

Она ещё что-то спросила, но я уже отключилась.

Телефон тут же завибрировал снова. Костя.

«Надеюсь, ты поспала. Давай вечером спокойно поговорим».

Я посмотрела на сообщение. Ничего себе. Человек обзавёлся второй семьёй, а в переписке всё ещё соблюдал семейный этикет.

«Пиши адвокату. Ночевать домой не возвращайся», — ответила я.

Он напечатал: «Ты преувеличиваешь».

Я перечитала эту фразу трижды. Сначала захотелось ответить, потом набрать его номер, потом швырнуть телефон об стену. Я ничего не сделала и от этого расплакалась снова. Вот что бесило: я даже поссориться нормально не могла.

Даше я позвонила в восемь.

— Если ты опять хочешь узнать, можно ли заменить тканевые обои в твоей спальне, — сказала она сонно, — то нет, у меня сегодня законный выходной от твоего мужа и его вкуса.

Даша занималась интерьерами. Мы дружили с тех времён, когда она считала меня слишком правильной, а я считала её человеком, которому нельзя доверять даже выбор мусорного ведра. Потом выяснилось, что только ей и можно.

— Костя уходит, — сказала я.

Она замолчала.

— Куда?

— К другой женщине. Она беременна.

Снова тишина. Затем где-то у неё упало что-то тяжёлое.

— Я только что разбила кружку, — сообщила Даша. — Хорошо, что не о его голову. Хотя это было бы эстетичнее. Ты дома?

— Да.

— Сейчас приеду.

— Не надо.

— Алин, это не обсуждение. Я уже ищу штаны.

Она приехала через сорок минут с двумя стаканами кофе, пакетом круассанов и лицом женщины, готовой пойти на административное правонарушение ради подруги.

За эти сорок минут я успела умыться, снова заплакать, зачем-то поставить стирку и отменить её. Потом прочитала старую переписку с Костей и ненавидела себя за то, что в некоторых сообщениях продолжала узнавать человека, которого любила. Это не было красивым прощанием с прошлым. Это было какое-то тупое метание по квартире в носках разного цвета.

Я открыла дверь в старой футболке Кости, которую надела ночью, не подумав. Даша посмотрела на неё, ничего не сказала и прошла в кухню.

Увидела торт.

— Он принёс это?

— Да.

— Константин, конечно, талантливый мерзавец. Знает, как испортить даже фисташку.

Даша вытащила из пакета круассан, положила передо мной и наконец обняла. Я выдержала примерно две секунды, прежде чем снова расплакаться.

— Ненавижу, — прошептала я.

— Его?

— Себя. Я ничего не заметила.

Она отстранилась и взяла меня за плечи.

— Стоп. Он почти год врал тебе. Это он хорошо врал, а не ты плохо смотрела.

Я хотела возразить, но сил не было. Мы сели за стол. Я рассказала всё, что помнила. Про торт, про двенадцать недель, про уверенный тон, с которым он говорил об имуществе. Даша слушала без лишних комментариев и только один раз спросила:

— Ты его всё ещё любишь?

Очень неприятный вопрос. Я надеялась, что после измены любовь должна исчезать автоматически, как подписка, которую отменили в приложении. Нажал кнопку — и всё. Но никакой кнопки не было.

— Не знаю, — ответила я. — Вчера любила. Сегодня хочу, чтобы у него отвалился телефон. Желательно вместе с рукой.

— Нормальный диапазон чувств.

Даша отодвинула чашку и потребовала мой телефон. Потом объяснила, что надо проверить: карты, документы, доступ к деньгам. Я злилась на неё за эту деловитость. А через пять минут сама спросила, где у нас лежит свидетельство о браке. Странно, как быстро разбитое сердце превращает жизнь в поиски бумажек.

С деньгами пока было терпимо. На отдельном счёте лежали мои накопления, но жить на них вечно я не могла, да и не хотела.

Два месяца назад нашу гостиницу купила другая сеть. Новые владельцы объединили команды, а мне предложили

работу в центральном офисе с меньшей зарплатой и разъездами по области. Я отказалась. Тогда мне казалось, что несколько недель дома помогут разобраться, куда двигаться дальше. Заодно я хотела наконец заняться собой и нашим домом.

Константин тогда говорил, что мне полезно наконец пожить для себя.

Похоже, он уже знал, насколько буквально мне скоро придётся выполнить этот совет.

— Я не хочу оставаться в этой квартире, — сказала я.

— На неделю можешь ко мне.

— Даша, у тебя двушка, муж и собака, которая считает гостей кормом.

— Марс воспитанный. Он ест только тех, кто громко шуршит пакетами.

— Мне нужно уехать. Не на отдых. Я с ума сойду, если буду сидеть на пляже и думать, кого Костя сейчас обнимает.

Даша задумалась. Пододвинула к себе телефон и открыла переписку.

— У меня есть один вариант. Только не говори сразу «нет».

— После вчерашнего я вообще осторожно отношусь к предложениям, начинающимся с этих слов.

— Помнишь, мы оформляли гостиницу под Петербургом? «Северный берег».

— Ту, где владелец потребовал убрать половину светиль-

ников, потому что они «слишком довольные»?

— Ту самую.

Я вспомнила фотографии: небольшой загородный отель среди сосен, деревянная терраса, стеклянная столовая, за которой серело море. Интерьеры были неплохие. Проблемы начинались там, где требовалось не красиво фотографировать номера, а заставлять их приносить деньги.

— Он ищет управляющего, — сказала Даша. — Предыдущий ушёл. Или его выгнали. Я не вникала. Контракт на три месяца, потом по результату. Жить можно прямо там, в отдельном гостевом домике. Зарплата хорошая, но характер у владельца так себе.

— Это ты называешь «так себе»? Ты рассказывала, он поссорился с поставщиком из-за цвета салфеток.

— Там были не салфетки, а фасадная плитка. И он был прав. Плитка выглядела как общественный туалет. Очень дорогой общественный туалет.

Она повернула экран ко мне. На фотографии мужчина в сером свитере стоял у высокого окна. Не позировал, смотрел куда-то в сторону. Тёмные волосы, резкие скулы, усталый взгляд. Красавцем с обложки его назвать было трудно. Он выглядел человеком, который давно не высыпался и не собирался делать из этого общенациональную трагедию.

— Андрей Белозёров, — сказала Даша. — Сорок три. Владелец. В разводе, насколько знаю.

— Даша.

— Что?

— Если ты сейчас начнёшь сватать мне первого попавшегося владельца гостиницы, я тебя придушу.

— Успокойся. Я бы скорее сосватала тебе налоговую проверку. Она хотя бы предсказуема.

Я вернула ей телефон. И всё же попросила переслать контакт.

— А если я не справлюсь? — спросила я. Даша посмотрела так, что я сразу опустила глаза. — Я серьёзно. У меня может ничего не получиться. Я давно не искала работу, а теперь ещё вот это всё... — И я заплакала прямо над фотографией чужого отеля. Мне было стыдно, и от стыда я ревела ещё сильнее. Даша только подвинула салфетки поближе.

В половине второго мне позвонила мать. Костя успел поговорить со свекровью, а та, судя по всему, начала небольшое информационное турне. Мама не стала задавать лишних вопросов.

— Ты ела? — спросила она.

— Да.

— Врёшь.

— Немного.

— Куда мне приехать?

В груди снова сжалось.

— Мам, не надо. Даша здесь. Я разберусь.

— Алин, разберёшься. Но можно я просто буду рядом, даже если ты взрослая и всё умеешь?

Я уткнулась лбом в оконное стекло. На улице какой-то мужчина пытался усадить в машину огромный фикус. Тот не помещался, и мужчина ругался на растение так, словно оно специально испортило ему день.

— Можно, — сказала я. — Только сегодня без советов.

— Договорились.

Мама приехала с домашним супом и не сказала о Косте ничего. За это я любила её особенно сильно. Она видела меня в гораздо худшем состоянии и понимала, что советы обычно нужны тем, кто их даёт.

Вечером, когда все разъехались, я впервые за день осталась одна. Обошла квартиру. Шестнадцать лет разложились по полкам: фотографии, книги, чашки, два одинаковых халата в ванной. Всё выглядело целым. Даже слишком.

Я вошла в гардеробную, открыла шкаф и достала чемодан.

Не самый большой. Тот, с которым ездила в командировки.

Положила внутрь джинсы, свитер, бельё, косметичку, зарядку. Сняла с тумбочки маленькую фотографию родителей и засунула во внутренний карман. Платье, в котором Костя когда-то сделал мне предложение, висело на дальних плечиках. Я задержала на нём взгляд, но не тронула.

По телефону пришёл ответ от Андрея Белозёрова. Мы успели обменяться парой сообщений и назначить видеозвонок на утро.

«Мне нужен человек, который понимает работу с персо-

налом и выручкой. Не декоратор впечатлений», — написал он.

Я перечитала. Ответила:

«Тогда вам повезло. С персоналом я работала пятнадцать лет. А впечатления обычно бесплатно раздают люди без бюджета».

Через минуту на экране появилась галочка прочтения. Ответа не было.

Я фыркнула. Наверное, ещё и поэтому Даша мне была нужна: можно было поплакать, а через минуту рассмеяться и не извиняться за это.

Мужчины, оказывается, могли молчать по совершенно разным причинам. И не каждое молчание означало катастрофу.

Я закрыла чемодан и поставила его у двери. Пока не знала, уеду ли. Пока не знала, захочет ли меня взять на работу этот недовольный жизнью Белозёров.

Но впервые со вчерашнего вечера у меня появилось дело, которое не имело к Константину никакого отношения.

Даже маленькое начало оказалось чертовски приятным.

Глава 3. Северный берег

На собеседование я вышла с чашкой кофе и дрожащими руками. На всякий случай положила рядом бумажные салфетки. Не хотелось расплакаться перед будущим начальником, особенно если он окажется хамом.

Он появился на экране ноутбука ровно в девять утра,

оглядел меня, словно я была очередным документом в его переполненной почте, и спросил:

— Что вы успели узнать о моём отеле?

— Что он находится в сорока минутах от Петербурга, у вас двадцать четыре номера, два корпуса, ресторан на шестьдесят посадок и очень красивые фотографии.

— А проблемы?

— Боюсь, что проблемы серьёзные. Иначе вы бы не искали управляющего в такой спешке.

Он слегка приподнял бровь.

— Вы всегда так прямо говорите?

— Простите. Это профессиональная привычка. Я немного нервничаю.

Мне показалось, что он едва заметно усмехнулся. Но выражение тут же исчезло.

За следующие двадцать минут я узнала, что «Северный берег» почти заполнен по субботам, зато по будням иногда заселяет три номера из двадцати четырёх. Ресторан живёт на банкетах, собственный маркетинг ограничивается красивыми фотографиями в интернете, два администратора уволились за полгода, а предыдущий управляющий оставил после себя такой отчёт, что Андрей предпочёл не показывать его в приличном обществе.

— Почему вы не закрываете объект? — спросила я.

— Потому что у меня пока нет привычки выбрасывать деньги в костёр.

— Судя по цифрам, сейчас вам очень тяжело. Я бы хотела понять, насколько.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Вы готовы приехать на три месяца?

— Если условия устроят.

— Первый месяц испытательный. Полномочия в пределах утверждённого бюджета. Без согласования со мной никого не увольнять, кредиты не брать и концепцию не менять.

— А стены можно перекрашивать?

— Нет.

— Нет, конечно, — пробормотала я. — Это я от волнения.

— Алина, я не ищу вдохновения.

— Отлично. Я тоже. Мне нужна работа.

Вечером мы согласовали договор. Через два дня я села в «Сапсан», а ещё через несколько часов такси свернуло с шоссе в сторону залива.

Перед тем как согласиться, я трижды набирала Даше сообщение: «Может, это глупость?» И трижды стирала. Хотелось, чтобы кто-нибудь взрослый пришёл и сказал, что делать. Абсурд, учитывая, что взрослой здесь была я. Но иногда сорок лет ощущаются не опытом, а списком вещей, которые уже не успеешь исправить.

Дорога шла через сосновый лес. По обочинам лежали прошлогодние иголки, меж стволов мелькали деревянные дачи, на повороте мужчина в резиновых сапогах продавал копчёную рыбу. После Москвы пространство казалось неприлич-

но большим, а воздух слишком свежим для моего состояния.

Я не чувствовала себя героиней новой жизни. Меня укачивало, телефон разрывался от сообщений, а на коленях лежала папка с документами, которую я взяла просто потому, что не знала, чем ещё занять руки.

Костя писал каждый день. То спрашивал, где документы на машину, то обещал честно разделить имущество, то вдруг присылал фотографии нашей квартиры с подписью: «Как мы до этого дошли?» На последний вопрос хотелось ответить подробно, с хронологией и датами. Но я сдержалась.

На телефоне высветилось новое сообщение: «Ты правда уехала?»

Я посмотрела на проплывающие мимо сосны.

«Да», — написала я.

Через минуту пришло: «Могла бы предупредить».

Я спрятала телефон в сумку.

— Муж? — спросил водитель, не оборачиваясь.

Я удивлённо посмотрела в зеркало.

— Почти бывший.

— Понятно, — сказал он так спокойно, словно речь шла о погоде. — У нас тут хорошо. Тихо. Только комары зверские.

Очень хотелось поверить, что комары будут моей главной неприятностью.

«Северный берег» встретил меня запахом мокрого дерева и свежего кофе. Два невысоких корпуса стояли среди сосен, между ними тянулась дорожка из серого камня. За стеклян-

ной стеной ресторана виднелся залив, пока ещё холодный, почти стальной. Терраса выходила к воде. Ветер трепал сложенные пледы на креслах.

Я остановилась у входа и невольно подумала, что место красивое. Опасная мысль для человека, которому предстоит объяснять владельцу, почему красивые виды не заменяют нормальную систему бронирования.

У стойки администратора девушка в белой рубашке спорила по телефону.

— Я понимаю, что вам неудобно, — говорила она. — Но ранний заезд мы не обещали. Нет, даже если вы приехали из Москвы. Да, я понимаю, что это далеко.

Заметив меня, девушка закрыла трубку ладонью и глазами попросила о помощи. Я показала на часы и кивнула в сторону пустого столика у окна. Пусть закончит разговор. Потом познакомимся.

Через пять минут она подошла сама.

— Вы Алина?

— Да.

— Я Лида. Администратор. Простите, у нас тут немножко дурдом.

— Господи, да нормально всё, — сказала я и попыталась улыбнуться. — Я тоже сейчас выгляжу как после небольшого дурдома.

Она улыбнулась с такой благодарностью, что мне стало неловко.

— Андрей Павлович наверху. Сказал вас сразу к нему отправить.

— Мне к нему прямо сейчас? — спросила я. — Можно минуту дух перевести? Я с дороги.

— Думаю, он и сам хотел бы знать.

Я оставила чемодан у стойки и поднялась по деревянной лестнице. В коридоре пахло краской. На одной из стен стояли ведро и стремянка. Через открытое окно доносился шум воды.

Кабинет владельца оказался небольшим. Стол, стеллаж с папками, кофейная чашка, карта участка. Никакого пафоса. Андрей сидел за ноутбуком в тёмной футболке и джинсах. Вживую он выглядел старше фотографии и гораздо интереснее. У висков проступала седина, на правой руке белел старый шрам, а выражение лица обещало, что счастливых сотрудников в этом здании пока не планируется.

— Добрались, — сказал он, поднимаясь.

— Как видите.

Он пожал мне руку. Ладонь была тёплая, пальцы крепкие. Привычка обращать внимание на мужские руки возникла у меня много лет назад и никак не зависела от семейного положения. Я с раздражением отметила, что сейчас она тоже никуда не делась.

— Комнату вам подготовили. Давайте сначала по объекту, потом договоримся о задачах.

— Давайте.

Он повёл меня по коридору. По дороге мы миновали пустой конференц-зал, кладовку с перевёрнутыми стульями и маленький кабинет, где двое сотрудников одновременно пытались уговорить принтер печатать счёт.

— С техникой у вас отношения сложные, — заметила я.

— С людьми сложнее.

— Это я ещё не начинала работать.

Андрей остановился у стеклянной двери на террасу и показал на море.

— Вот за этим к нам едут. Ради тишины. Ради вида. Хотят вырваться из города.

— Это красивое место, — сказала я. — Даже очень. Жалко, если обычные бытовые мелочи портят людям весь отдых.

— Вы здесь полчаса.

— Я могу ошибаться, — сказала я. — Но у стойки девушка осталась одна с претензией, а в коридоре мигает свет. Это не смертельно. Просто накапливается.

Он покачал головой. На этот раз я точно увидела улыбку.

— Даша предупреждала, что вы непростой человек.

— Даша сказала, что с вами нелегко, — призналась я и смутилась.

— Надеюсь, хотя бы по делу.

— Вы не обижайтесь. Там была история про плитку, — сказала я и неожиданно рассмеялась.

— Она была ужасная.

— Судя по фотографиям, вы там победили.

Он посмотрел на меня так, будто решал, можно ли со мной разговаривать нормально, или это станет очередной ошибкой в подборе персонала.

Внизу раздался громкий женский голос.

— Я два месяца назад внесла предоплату! Почему мне сейчас сообщают, что музыка после десяти запрещена? У нас свадьба, а не поминки!

Андрей закрыл глаза.

— Только не сегодня.

— Кто это? — спросила я.

— Невеста. Банкет через три недели. Предыдущий управляющий пообещал ей всё, кроме запуска ракеты.

— А что мы можем?

— После десяти вечера в здании только тихая музыка. Соседи уже жаловались. На улице после одиннадцати ничего нельзя.

Голос внизу становился всё громче. Я слышала, как Лида пытается объяснить условия, которые клиенту следовало объяснить ещё при заключении договора.

— Можно я поговорю? — спросила я.

— Вы даже не знаете деталей.

— Именно поэтому сначала послушаю.

Он посмотрел на часы, потом уступил дорогу.

Невесту звали Полина. Ей было двадцать восемь, она носила светлый тренч и смотрела на окружающих как человек, который уже неделю не спит из-за чужой некомпетентности.

Рядом стоял жених с потерянным видом. По нему было видно: он надеялся, что свадьба окажется счастливым событием и ему не придётся разбираться в акустике загородного отеля.

— Добрый день, я Алина, новый управляющий, — представилась я. — Расскажите, какой вечер вы планировали. Не что вам запретили, а что для вас важно.

Полина сначала посмотрела с подозрением, но заговорила. Оказалось, ей вовсе не нужен круглосуточный ночной клуб. Она хотела первый танец под живую музыку, нормальный ужин, а после десяти ещё пару часов потанцевать с друзьями. В контракте не было чётко прописано, где именно можно будет проводить эту часть программы. Её фотограф уже купил билеты, ведущему заплатили аванс.

Я попросила показать договор, позвала Лиду с папкой и расспросила о количестве гостей. Потом предложила два варианта: переносить танцы в дальний зал ресторана с ограничением звука либо завершать официальную часть раньше и оставлять небольшую компанию в лаунже.

— Но у нас сорок восемь человек, — сказала Полина. — Мы не хотим разбегаться в одиннадцать.

— И не придётся, если правильно распределим программу. Давайте сейчас вместе пройдём по залам. Я ничего вам не обещаю, пока мы не проверим возможность. Но и отнимать у вас свадьбу из-за чужой недоговорённости не собираюсь.

Через полчаса Полина уже обсуждала меню, а её жених

оживился настолько, что предложил сделать отдельный стол для друзей. Проблема не исчезла, но стала обычной рабочей задачей, а не личной катастрофой каждого присутствующего.

Когда они уехали, я вернулась в кабинет владельца. Андрей стоял у окна с двумя кружками кофе.

— Сколько вы ей пообещали? — спросил он.

— Ничего невозможного. Завтра пришлю вам варианты с расходами. Мы ещё должны проверить акустику и договор с ведущим.

Он протянул мне кружку.

— Без сахара.

— Вы откуда знаете?

— Не знаю. Это единственный кофе, который здесь остался. Хотел сказать, что приятно, когда люди не спорят о свадьбах три часа подряд.

Я взяла кружку. Кофе был крепкий и отвратительный.

— Для этого нужно иногда слушать клиента, Андрей Павлович.

— Вы можете без отчества.

— Тогда зовите меня просто Алиной. Когда вы произносите имя вместе с отчеством, я сразу пугаюсь, что что-нибудь испортила.

— Я ещё не решил, — сказал он.

Я выглянула из-за кружки.

Он улыбнулся. Наконец нормально, неожиданно молодо.

И от этого почему-то стало теплее, хотя я стояла у открытого окна и замёрзла за время разговора.

— Есть ещё одна вещь, — произнёс Андрей. — Я должен сказать вам сразу, чтобы потом не было сюрпризов. Отель выставлен на продажу. Пока без публичного объявления. Я хочу, чтобы за три месяца вы привели его в порядок. Если появится покупатель, мы будем вести переговоры.

Я поставила кружку на стол.

— То есть вы наняли меня спасать гостиницу, которую собираетесь продать?

— Я нанял вас, чтобы она перестала терять деньги. Продавать убыточный объект тоже не очень выгодно.

— Логично. А люди, которые здесь работают, в вашем плане вообще существуют?

Его лицо снова стало закрытым.

— Существуют. Поэтому я до сих пор плачу им зарплату.

Это был не плохой ответ. Просто я ожидала другого. Мне вдруг захотелось выяснить, что случилось с человеком, который владеет таким местом и при этом выглядит так, будто оно ежедневно забирает у него по кусочку жизни.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда у нас три месяца. Начнём с того, почему у вас во вторник заняты три номера, а в субботу гости готовы терпеть любые неудобства.

Андрей поднял брови.

Я тут же испугалась, что сказала слишком резко. Вообще за последние дни начала бояться своих слов. Прежде у меня

всегда был человек, которому можно вечером пожаловаться, какая вышла неловкая встреча. Теперь этим человеком оказался тот, из-за кого неловко было само моё существование.

— И что вы предлагаете?

— Для начала мне нужно посмотреть цифры и поговорить с людьми, — сказала я. — Я понимаю, что приехала со своими идеями и могу чего-то не знать. Но кофе у вас, простите, ужасный. Это я уже проверила на себе.

Он засмеялся. Коротко, неожиданно громко.

Я тоже улыбнулась. Впервые за несколько дней это получилось без усилия.

Мой телефон завибрировал на столе. На экране высветилось: «Костя».

Я перевернула его дисплеем вниз.

— Что-то срочное? — спросил Андрей.

— Нет. Старая проблема.

— Понятно.

Не стал расспрашивать. Я была ему за это благодарна. Не то чтобы собиралась сообщать.

Когда я вышла из кабинета, в коридоре снова мигала лампа. Внизу Лида разговаривала с новым гостем, на кухне звенели тарелки. За окном шумели сосны, море выглядело холодным и чужим.

Вечером Лида проводила меня в маленький гостевой домик за вторым корпусом. Там были кровать, узкий стол, шкаф и окно, за которым шумели сосны. Я поставила чемо-

дан возле двери, достала свитер и обнаружила, что забыла любимую домашнюю футболку. Ту самую, старую, растянутую, которую ни при каких обстоятельствах не надела бы при посторонних.

Подумаешь. Куплю новую.

Телефон снова мигнул. Костя написал: «Нам надо решить, что делать дальше».

Я посмотрела на сообщение, не открывая. Потом включила ноутбук и запросила у Лиды отчёт по заселениям за полгода. Через пять минут на почту упала таблица из сорока семи колонок. Наконец-то кто-то прислал мне проблему, с которой можно было разобраться.

За окном темнело море. Я заварила чай и впервые за двое суток подумала не о том, где сейчас мой муж, а о том, почему во вторник люди не хотят приезжать сюда даже со скидкой.

Это была маленькая победа. Пока вполне достаточная.

Глава 4. Двадцать четыре номера

В половине седьмого я проснулась от знакомого стука. На секунду подумала, что дома.

Мне послышалось, что Костя на кухне стучит ложкой о край чашки. Три коротких удара, потом пауза. Он так размешивал сахар: не по кругу, как нормальные люди, а с каким-то личным музыкальным сопровождением. Раньше меня это раздражало. Иногда я просила перестать, иногда обнимала его сзади и клала щёку между лопаток.

Я села на кровати и несколько секунд пыталась понять,

где нахожусь. Узкое окно, сосны, чужой шкаф. Ни чашки, ни Кости. Только снаружи кто-то стучал молотком, строя, видимо, новое счастье за мой счёт.

В телефоне было сообщение от мужа: «Ты взяла мой серый свитер?»

Я закрыла глаза.

За шестнадцать лет у нас появились тысячи способов сказать друг другу «я здесь». Утренние сообщения о хлебе, забытые ключи, просьбы купить зубную пасту, глупые фотографии из магазина. И теперь Костя каким-то чудом продолжал разговаривать со мной на том же языке, будто между нами не случилось ничего страшнее потерянного свитера.

«В шкафу, на верхней полке», — написала я автоматически.

Потом разозлилась. На него, на себя, на то, что помнила, где лежит каждая его вещь. Напечатала «Спроси Карину, может, она в курсе» и стёрла. Не хотела начинать утро с этой женщины, даже если формально она уже прочно поселилась в моей жизни.

Я умылась, натянула джинсы и отправилась в ресторан. На столах ещё не расставили хлебные корзины. За стеклом медленно светлел залив, и это был такой красивый вид, что захотелось позвонить маме. Мама всегда радовалась воде. Даже на фотографии.

— Завтрак с восьми, — сообщила женщина в поварском кителе, обнаружив меня возле кофемашины.

— Я знаю. Я новая управляющая.

— А. Галина говорила. Тогда кофе можно.

Она нажала кнопку, и аппарат издал звук умирающего трактора.

— У вас он всегда так? — спросила я.

— Только по будням, — сказала женщина совершенно серьёзно. — По выходным он вообще не включается.

Оказалось, её зовут Зоя, она отвечает за завтраки и считает, что половина сотрудников не умеет правильно держать нож. Уже через пять минут я знала, кто у них вечно опаздывает, кто ворует порционные джемы и почему прошлый управляющий покупал круассаны в магазине у трассы, хотя в меню обещана собственная выпечка.

— А вы надолго? — спросила Зоя, ставя передо мной чашку.

— Пока на три месяца.

— Значит, достаточно, чтобы всё испортить, — вздохнула она. — Или починить. Посмотрим.

С этим девизом я и вышла на первую планёрку.

В маленькой комнате за стойкой нас собралось шестеро. Лида, старшая горничная Галина Ивановна, повар Кирилл, бухгалтер Ирина, техник Саша и я. Андрей не пришёл. Сказал вчера: «Вы отвечаете за операционку. Собирайте людей сами». Звучало обнадёживающе, пока я не обнаружила, что у каждого человека в комнате своя версия работы отеля.

Галина Ивановна утверждала, что номера к двум всегда

готовы. Лида говорила, что вчера три семьи ждали до четырёх. Кирилл был уверен, что ужины заказывают максимум десять гостей, а Ирина показывала счета за продукты так, будто мы готовили на свадьбу всего района. Саша молчал, пока я не спросила про мигающую лампу.

— Поменяю, — ответил он.

— Когда?

— Как только привезут.

— Лампу?

— Стремянку. Нашу Кирилл на склад забрал.

— У меня потолок на складе течёт! — возмутился Кирилл.

— Поэтому ты забрал стремянку на две недели?

— А что, пусть течёт?

Через десять минут у меня заболела голова. Через пятнадцать я поняла, что никто здесь не ленивый и не плохой. Просто каждый весь день спасает свой маленький участок, а потом обижается на остальных, которые мешают ему спасать.

Я попыталась нарисовать на доске путь гостя: бронирование, приезд, уборка, питание, выезд. Маркер не писал. Второй писал бледно-голубым и только под определённым углом. Я стояла с ним у доски, как учительница на последнем уроке перед каникулами, и чувствовала, что сейчас расплачусь от бессилия.

— Давайте проще, — сказала я. — Кто вечером знает, ка-

кие номера завтра освободятся?

— Я, — ответила Лида.

— И я, — добавила Галина Ивановна.

Они посмотрели друг на друга.

— А вы сверяете списки?

— Я отправляю ей фотографию, — сказала Лида.

— А мне фотографии неудобно, — отозвалась Галина Ивановна. — Там мелко.

— Вы можете открыть файл?

— У меня телефон старый. В нём ничего этого вашего не открывается.

Ирина поджала губы. Я уже ждала язвительного замечания, но она неожиданно сказала:

— У меня есть распечатка. Если вести один список на стойке и второй у горничных, они хотя бы будут одинаковыми.

Это была самая разумная фраза за всё утро. Я чуть не обняла бухгалтершу.

Мы договорились о двух пятиминутных сверках в день. Без новых программ, без дорогостоящего обучения и без торжественного внедрения цифровой трансформации. Просто бумага, ручка и человек, который отвечает за изменения.

— А если гости решат остаться ещё на ночь? — спросила Лида.

— Ты позвонишь Галине Ивановне сразу, а не когда найдётся свободная минута.

— Она иногда ругается.

— Буду ругаться, — подтвердила та. — Но номер не уберу.

— Отлично, — сказала я. — У нас уже есть начало честных отношений.

Они засмеялись. Ненадолго, но в комнате стало легче дышать.

После планёрки я села проверять бронирования. В одной таблице было двадцать четыре номера, в другой двадцать три. Два назывались «люкс», хотя один из них располагался над кухней, где с шести утра грохотали кастрюли. На сайте всё выглядело романтично: утренний аромат выпечки, виды на сосновый лес, тишина. Гость в двенадцатом номере, должно быть, уже готов был прибить романтику тяжёлой сковородой.

К обеду я обнаружила две неучтённые оплаты, три брони, которые система отменила, но администратор не увидел, и заказ на день рождения, где клиенту пообещали торт с живыми цветами. Кирилл утверждал, что живые цветы в еду он не кладёт, поскольку ещё не настолько ненавидит гостей.

Я написала Андрею список проблем и попросила двадцать минут на обсуждение.

Он пришёл в переговорную с ноутбуком и чашкой чёрного кофе. Выглядел так, словно эти двадцать минут у него уже украли из жизни и теперь пытались продать обратно.

— Что у нас?

Я рассказала. Не очень стройно. Несколько раз сбилась, потому что объясняла сразу про три системы бронирования, неисправную дверь в прачечную и недовольных горничных. В какой-то момент замолчала, увидев, как Андрей смотрит на часы.

— Извините. Я слишком много говорю.

— Вы говорите по делу. Просто начните с денег.

— Хорошо. Нам нужен небольшой бюджет на обучение администраторов и обновление программы. И на ремонт двух номеров, которые вы продаёте по тарифу «улучшенный», а по факту там заедает окно и скрипит кровать.

— Программу менять не будем.

— Почему?

— Потому что предыдущая обошлась дорого, а пользоваться ею никто не научился.

— Именно поэтому я говорю про обучение.

— На три месяца? Чтобы потом отдать отель покупателю и заплатить за то, чем он не воспользуется?

Уши загорелись, словно меня поймали за чем-то неприличным. Мне было ужасно неприятно, что он произнёс «на три месяца» таким тоном. Я знала об этом сроке. Сама подписала договор. Но вдруг стало обидно за Лиду, за Галину Ивановну и даже за несчастный принтер. Как будто все мы были мебелью в доме, который скоро начнут показывать чужим людям.

— Если ничего не менять, они так и будут ошибаться, —

сказала я.

— Алина, я не сказал «ничего». Я сказал, что не собираюсь покупать новую систему до того, как вы докажете, что старая действительно мешает работе.

Он говорил спокойно. А у меня, как назло, задрожали губы.

— Простите, — быстро сказала я и посмотрела в блокнот.

— Что случилось?

— Ничего. Не выспалась.

Это была глупая ложь. Вчера я не выспалась, позавчера тоже. Сегодня просто пришла минута, когда мне надоело доказывать, что я ещё способна приносить пользу. Я знала, что Андрей не обязан учитывать моё разбитое сердце, но хотелось, чтобы он хотя бы не смотрел на меня как на очередную статью расходов.

— Давайте так, — произнёс он после паузы. — Неделю работаем на существующей программе. Вы фиксируете ошибки, обучаете людей без сторонних подрядчиков. Если покажете, сколько денег теряем именно из-за системы, обсудим замену. Ремонт двух номеров согласую сегодня. И кофе починим, раз уж вы второй день мучаете меня этим вопросом.

Я засмеялась, хотя слёзы стояли слишком близко.

— Спасибо.

— Это не подарок. Я хочу увидеть результат.

— Знаю.

— И перестаньте извиняться за каждый рабочий вопрос.

Я подняла голову.

— Я не за каждый.

— За четыре из пяти.

Тут мне стало по-настоящему стыдно. Он, видимо, заметил.

— Алина, вы можете спорить со мной. Мы для этого и разговариваем.

С этим я ушла в туалет возле служебного входа и расплакалась.

Не из-за Андрея. То есть немного из-за него тоже. Из-за всего сразу. Из-за того, что в Москве стояла наша большая кухня, где Костя, возможно, сейчас ел ужин не один. Из-за того, что мне сорок, а я опять как девчонка переживаю, достаточно ли хорошо меня оценил мужчина с серьёзными глазами. Из-за того, что мне хотелось услышать от мужа «я всё испортил, прости» и ещё сильнее хотелось, чтобы он никогда больше не звонил.

Я умывалась холодной водой, когда дверь тихо приоткрылась.

— Алин, ты тут? — спросила Лида. — Я только хотела сказать, там двенадцатый номер жалуется на шум.

— Сейчас приду.

— Ты плачешь?

Я попыталась улыбнуться зеркалу.

— На работе запрещено?

— Нет. Я однажды ревела, потому что гость назвал меня

тупой овцой. Потом выяснилось, что у него плохо ловил интернет и он так говорил вообще со всеми, включая жену.

Лида протянула мне чистую салфетку.

— Спасибо.

— Только двенадцатый правда злой. Я бы на твоём месте сначала выпила воды.

Я выпила. Пошла к гостю. Выслушала его. Переселила в другой номер и предложила завтрак за счёт отеля. Не потому, что надо было раздать скидки всем подряд, а потому, что человека и правда разбудили кастрюлями в шесть утра.

Вечером Андрей прислал сообщение: «Окна в двух номерах ремонтируют в четверг. Программа пока остаётся. Отчёт жду в пятницу».

Я написала: «Хорошо. И спасибо, что выслушали».

Он ответил почти сразу: «Ещё раз поблагодарите за рабочий разговор — выставлю счёт».

Я улыбнулась. Потом очень не вовремя вспомнила, как Костя шутил с такой же сухой серьёзностью, когда мы только познакомились. Улыбка исчезла.

В гостевом домике было темно. Я включила маленькую лампу у кровати и вдруг поняла, что не купила себе ужин. В сумке нашлась половина шоколадки, раздавленная документами.

Съела её, сидя на полу, прямо возле чемодана.

Через двадцать минут Костя позвонил. Я долго смотрела на экран, потом ответила.

— Алин, ты почему не говоришь, где находишься?

— Потому что не хочу.

— Мне вообще-то нужно понимать, что с тобой всё нормально.

Я прикрыла глаза. Вот это «мне нужно» всегда работало. Раньше от него я чувствовала себя любимой, теперь будто меня проверяли по списку.

— Я работаю, Кость. Со мной всё нормально настолько, насколько может быть.

— Я поговорил с мамой. Она сильно расстроена.

— Представляю.

— Ты могла бы ей позвонить. Она считает, что виновата.

— А ты что ей сказал?

Он замолчал.

— Костя?

— Я сказал, что у нас сложный период.

У меня похолодели пальцы.

— Сложный период? — повторила я. — Ты год мне изменял и ждёшь ребёнка от другой. Это не сложный период. Это совершенно другая жизнь, о которой я узнала последней.

— Давай не будем сейчас опять.

— Нет, давай. Ты сам позвонил.

Я услышала, как голос становится громче, и испугалась, что в домике всё слышно через тонкие стены. Не хотела, чтобы сотрудники узнали, какая у них управляющая. Женщина, которая способна разрулить расселение гостей, но не может

перестать плакать в трубку.

— Я не собираюсь больше прикрывать тебя перед твоей мамой, — сказала я. — Если хочешь, чтобы она что-то поняла, расскажи ей правду.

— Ты просто мстишь.

Это было так неожиданно, что я даже перестала плакать.

— За что я мщу? За то, что не хочу объяснять твоей матери твою беременную любовницу?

— Ладно. Я понял.

— Нет, — прошептала я. — Ты, кажется, вообще ничего не понял.

Я отключилась и прижала телефон к груди.

Мне стало страшно. Я только что поссорилась с человеком, который шестнадцать лет был моим первым звонком в любой неприятности. И не знала, кого набрать вместо него.

Даше написала: «Ты спишь?»

«Нет, — пришло через минуту. — Я смотрю сериал. Там мужик изменил жене, я уже ненавижу всё человечество. Ты как?»

Я набрала: «Плакала на работе. Потом ругалась с Костей. Ела шоколадку на ужин. В общем, жизнь удалась».

Даша ответила голосовым, где сначала ругалась на Костю, потом велела мне поесть нормальную еду и только в конце тихо сказала:

— Алин, ты не обязана сегодня быть молодцом. Вообще ни перед кем.

Я переслушала последнее предложение дважды. Потом открыла меню ресторана и заказала себе суп.

Когда принесли, он уже чуть остыл. Но я съела всё до последней ложки.

Двадцать четыре номера. Вся эта суматоха. И я, которая ещё вчера не могла заставить себя выйти из дома. Доела остывший суп и почему-то захотела завтра снова прийти на работу.

Глава 5. Никакого сочувствия

Людмила Павловна позвонила в субботу, когда я пыталась убедить гостя, что мокрые полотенца у бассейна не доказывают крах российской сферы гостеприимства.

— Минуточку, пожалуйста, — сказала я ему и сбросила вызов.

Свекровь позвонила снова. И ещё раз.

Я поставила телефон на беззвучный режим, закончила разговор с гостем и только потом вышла на террасу. Над заливом было солнце. От воды тянуло холодом, но люди уже снимали куртки и фотографировались так, будто календарь наконец разрешил им быть счастливыми.

На экране красовались восемь пропущенных. Восемь! За пятнадцать минут. Я невольно представила что-то ужасное: Костя попал в аварию, его мама упала, у неё давление. Перезвонила с колотящимся сердцем.

— Алло, Алиночка, наконец-то. Ты можешь поговорить?

— Что случилось? Все живы?

— Господи, конечно. Почему ты сразу о плохом?

Я посмотрела на телефон. Некоторым людям действительно следует запретить пользоваться им без инструкции.

— Людмила Павловна, я на работе.

— На какой ещё работе? Костя сказал, ты уехала.

— Я устроилась в гостиницу. Под Петербургом.

— Под Петербургом? — Она произнесла это так, будто я добровольно отправилась зимовать на льдине. — А квартира? А муж?

Вот они. Два предмета, которые я по недосмотру оставила в Москве. Квартира и муж. В одной категории вещей, за которыми надо присматривать.

— Мы с Костей расходимся, — сказала я. — Он вам рассказал?

— Он сказал, что совершил ошибку.

Я облокотилась о мокрые перила.

— Ошибку?

— Я не собираюсь его оправдывать. Мужчины иногда ведут себя как идиоты, это правда. Но у вас шестнадцать лет семьи. Неужели всё можно вот так взять и выбросить?

Я молчала. Очень хотелось сказать, что выбросил не я. Мне казалось, это очевидно. Но Людмила Павловна продолжила:

— Ты знаешь, какой Костя. Он может запутаться, наговорить лишнего. Ему сейчас нужна спокойная жена, а не ультиматумы. У них с этой девицей всё ещё может не получиться.

Меня будто ударили под дых.

— «Не получиться»? — переспросила я. — Там ребёнок будет, Людмила Павловна.

— Дети — это святое, — сказала она торопливо. — Но ребёнок не повод ломать семью. Можно всё устроить по-человечески.

Я представила, как это «по-человечески» выглядит. Костя по вторникам выбирает коляску, по четвергам приходит домой. По выходным мы всей дружной семьёй решаем, где ему удобнее любить Карину. А я готовлю суп, чтобы мужчина не остался без домашней еды во время тяжёлого периода.

— Я не хочу так жить, — сказала я.

— Алиночка, ты сейчас обижена. Я тебя понимаю.

— Нет, — вдруг выдохнула я. — Вы не понимаете. Вы говорите со мной так, будто я устроила истерику из-за помятой рубашки. Он меня обманывал год. Год! И вы предлагаете подождать, пока у него с другой женщиной не получится?

— Не кричи на меня, я тебе не враг.

— Я и не хочу кричать! — сказала я гораздо громче, чем следовало.

Двое гостей обернулись. Мне стало стыдно. Я ушла с террасы к служебной двери, но от этого было только хуже: в узком коридоре собственный голос звучал ещё громче.

— Простите, пожалуйста. Я не хотела. Просто мне очень больно, а все почему-то разговаривают о Косте. Как он запутался, как ему трудно. А со мной что? Я же тоже здесь была

все эти шестнадцать лет.

На том конце стало тихо.

— Ты хорошая девочка, Алина, — произнесла свекровь наконец. — Но в жизни иногда приходится уступать.

Я прикусила губу. Никогда раньше не замечала, насколько обидным может быть слово «девочка», если его произносят с жалостью.

— Я вам очень благодарна за всё хорошее, что у нас было, — сказала я. — Но обсуждать, как мне простить Костю, больше не хочу. Он сам сделал свой выбор.

— Ты потом пожалеешь.

— Может быть. Только это будет моё сожаление.

Я отключилась и прислонилась к стене. Руки тряслись.

Мне хотелось перезвонить и извиниться. Не за решение расстаться, а за то, что я повысила голос. Людмила Павловна всегда была ко мне добра, привозила варенье, помнила мой день рождения, звала доченькой. Наверное, она просто испугалась, что всё рушится. Но я уже не могла выдержать ещё одного разговора, в котором мою боль раскладывают по семейному бюджету как допустимый расход.

Из двери кухни вышла Зоя с коробкой яиц. Увидела меня и остановилась.

— Тебе плохо?

— Нет. Просто… поговорила с родственниками.

Зоя задумчиво посмотрела на коробку.

— Могу дать тебе картошку.

— Картошку?

— С пюре люди реже спорят. Особенно если масла много.

Я фыркнула, совершенно неожиданно для себя.

— Спасибо. Мне, наверное, правда нужен обед.

Она ушла, не задавая вопросов. Минут через двадцать на служебном столе появилась маленькая тарелка пюре с котлетой. Я съела половину стоя, потому что зазвонил рабочий телефон. Вторую половину доела уже холодной, и это был самый вкусный обед за последние дни.

Потом пришёл отзыв.

«Ужасное место. На ресепшене хамят, в номере пахнет сыростью, управляющая некомпетентная. Испортили годовщину. Никому не советую».

Я перечитала три раза.

Гость прожил у нас сутки, за это время дважды требовал бесплатное повышение категории и один раз попросил разбудить его в пять утра, а когда мы разбудили, сказал, что он отдыхает и мы обязаны были догадаться, что он передумал. Впрочем, сыростью в номере действительно пахло: после дождя плохо закрывалось вентиляционное окно.

Я открыла форму ответа и набрала длинное объяснение, почему он неправ. Оно получилось настолько злым, что сама испугалась.

«Ваша попытка получить бесплатный люкс не означает, что сотрудники обязаны…»

Стерла.

Написала другое. О том, что мы приносим извинения за запах сырости, проверим вентиляцию, а вопросы размещения готовы обсудить в личной переписке. Перечитала и отправила на согласование Андрею.

Он позвонил минут через десять.

— Почему вы обещаете проверить вентиляцию, если техник уже проверил?

— Потому что запах есть. Я сама заходила в номер.

— Он требовал компенсацию?

— Требовал. Но я не обещала.

— Хорошо. Ответ публикуйте.

Я зачем-то решила рассказать о свекрови. Вернее, не рассказать, а спросить совершенно чужого мужчину о том, что не давало мне покоя с утра.

— Андрей, можно странный вопрос?

— После истории с гостем, который хотел плату за то, что мы разбудили его по просьбе, меня уже трудно удивить.

— Если человек предал тебя, а все вокруг говорят, что надо понять и простить… Это значит, что с тобой что-то не так, если ты не можешь?

Я сама услышала, как прозвучало. Не вопрос управляющей собственнику, а просьба посторонней женщины сказать ей, что она не чудовище. Зачем я это сделала?

Андрей помолчал.

— Я не знаю вашей истории, — ответил он. — Но прощение не является обязанностью.

В горле что-то сжалось.

— Спасибо.

— И, Алина…

— Да?

— Не знаю, кто заставляет вас чувствовать себя виноватой. Но этот человек явно разговаривает убедительнее, чем заслуживает.

Он отключился, оставив меня у стойки с телефоном в руке.

Я должна была думать об отеле. О деньгах. О своих обязанностях. Вместо этого стояла и прокручивала несколько слов мужчины, с которым знакома меньше недели.

И мне было приятно. Очень.

Поздним вечером я позвонила маме. Она сразу спросила, ела ли я. Я ответила, что да, котлету с картошкой, и мама почему-то обрадовалась так, словно мне вручили престижную международную премию.

— Как там у тебя? — спросила она.

— Красиво. Холодно. Люди хорошие. Работы ужасно много.

— А ты как?

На этом вопросе я долго молчала.

— Мам, я сегодня на свекровь накричала.

— Сильно?

— Сильно. Не матом, конечно, но почти.

— Что она сказала?

Я пересказала. Мама слушала, пока я не дошла до слов о «спокойной жене». Тут она очень тихо произнесла:

— Ну надо же.

Я знала этот тон. Мама никогда не ругалась по телефону громко. Когда ей было по-настоящему неприятно, она говорила «ну надо же» так, что человеку лучше было немедленно оформить загранпаспорт.

— Может, мне извиниться? — спросила я.

— За то, что кричала, можешь. Если сама считаешь нужным. За то, что тебе больно, извиняться не надо.

Я села на край кровати.

— А вдруг она права? Вдруг я потом останусь одна, а Костя будет счастлив? У них ребёнок. Он будет брать его на руки, учить ходить, носить на плечах. А я что?

Сказала и заплакала. Стыдно было даже перед мамой. Не потому, что я хотела отнять ребёнка у другой женщины. Просто после наших неудач с беременностью это казалось особенно жестоким: мужчина, с которым мы пережили столько врачей, таблеток, надежд, теперь получит всё это в новой жизни, а я останусь с воспоминаниями о кабинетах и пустым местом на подоконнике, где однажды стояла коробка с крошечными пинетками.

— Алинушка, — сказала мама, — мне так жаль, что ты через это проходишь.

Я плакала уже не стесняясь. Утирала нос рукавом и пыталась дышать.

— Только не говори, что всё к лучшему.

— Не буду. Пока ничего хорошего не случилось. Ты просто очень несчастна сейчас. Я бы хотела быть рядом.

От этих простых слов мне стало легче. Не весело. Не радостно. Но меньше хотелось провалиться сквозь пол.

После разговора я включила свет, поставила телефон на зарядку и обнаружила в сообщениях фотографию. Прислал Костя.

Мы вдвоём на море. Несколько лет назад, в маленьком кафе, волосы мокрые после купания. Подпись: «Неужели всё это для тебя ничего не значит?»

Я смотрела на фотографию долго, пока глаза не начали болеть.

Потом набрала ответ:

«Значит. Поэтому мне и больно».

Отправила.

Его сообщение пришло почти сразу: «Тогда, может, перестанешь вести себя так, будто ненавидишь меня?»

Я хотела объяснить. Написать, что не ненавижу. Что это вообще самое унизительное, потому что вчера в магазине я увидела его любимый чай и едва не купила. Что ночью мне снится, будто мы ещё вместе. Что я скучаю не по человеку, который сидит сейчас где-то с Кариной, а по тому, кого знала пятнадцать лет.

Вместо этого выключила телефон.

Утром перед планёркой на меня зашла Лида.

— Ты будешь чай? Я себе заварила, а у нас чайник на два литра. Если я выпью всё одна, меня начнёт трясти.

— Уже трясёт, — сказала я.

— Тогда тебе точно надо.

Мы сидели пять минут и пили чай из одинаковых гостиничных кружек. За окном гости тащили к машине огромный надувной матрас, хотя до купального сезона было ещё далеко.

— Ты вчера грустная была, — осторожно сказала Лида.

— Дома проблемы.

— Бывает. Я прошлой осенью три месяца ревела из-за одного придурка.

— Помогло?

— Нет. Но потом он прислал сообщение «Приветик», и я так разозлилась, что наконец перестала реветь.

Я улыбнулась.

— Счастливый случай.

— У каждого свои методы лечения.

Я допила чай и впервые за эту неделю подумала, что в «Северном береге» я не только работаю. Здесь появились люди, которые могут заметить, когда мне плохо. С одной стороны, это пугало. С другой, ужасно не хотелось снова быть одной.

В тот день мы получили первое бронирование на будний корпоратив без скидки. Не бог весть какая победа. Всего двенадцать человек на два дня.

Но я показала письмо Лиде, и она от радости обняла меня прямо посреди ресепшена.

Не ожидала, что меня так сильно обрадует чужое объятие.

Когда Лида убежала, я на минуту осталась у стойки одна. На телефоне мигнуло сообщение от мамы: «Костя спрашивал, как ты. Я сказала, что жива. Остальное пусть выясняет сам».

Я засмеялась. И сразу заплакала. Ненавижу такие качели. Только что радовалась чужой хорошей новости, а теперь стою с мокрыми глазами перед компьютером, где нужно всего-навсего подтвердить две брони.

— Алин, — донеслось из коридора, — ты чего?

Лида вернулась за ключом. Я отвернулась, будто очень заинтересовалась принтером.

— Да ничего. Печатаю.

— Он выключен.

— Тогда особенно хорошо печатаю.

Она ничего не спросила. Просто положила рядом конфету. Карамель с кислой начинкой. Я съела её, поморщилась и впервые за день перестала пытаться держать лицо.

Глава 6. Ужин без повара

В пятницу мне позвонили в шесть утра. Я увидела на экране имя Кирилла и сразу подумала, что опять сломалась печь. У отеля было столько бытовых сюрпризов, что я начала относиться к технике как к маленьким капризным детям.

— Алина, я сегодня не выйду, — сказал Кирилл.

Голос у него был сиплый, будто он провёл ночь на стадионе, объясняя судье правила футбола.

— Что случилось?

— Температура под сорок. Жену вызвал, она сейчас врача ищет. Похоже, вирус.

Я села на кровати.

— Хорошо. Лечитесь. Только… У нас сегодня ужин для группы. Двадцать четыре человека, помните?

— Помню. Наборы для закусок подготовлены. Горячее надо доделать. Зоя знает, где всё лежит.

— А помощник?

— Паша в отпуске. Я же говорил.

Да. Говорил. На планёрке во вторник, когда я одновременно пыталась разобраться в бронированиях и выяснить, почему из хозяйственного бюджета пропали два утюга. Я кивнула тогда и отложила проблему. Очень удобный способ потерять контроль над жизнью: складывать всё в коробку с надписью «потом».

Я пожелала Кириллу выздоровления и минут пять сидела с телефоном, глядя в окно. Там сосна качалась на ветру. В Москве я бы сейчас лежала рядом с мужем. Возможно, он бы сонно спросил, кто звонил. Я бы рассказала про повара, он посмеялся и сказал: «Разберёшься, ты же у меня умница».

Я знала, что больше никогда не услышу эту фразу в том же смысле. От мысли стало так жалко себя, что я почти расплакалась. Но телефон зазвонил снова, на этот раз Лида.

— Зоя уже на кухне. Говорит, накормит всех, но меню надо менять.

— Сейчас буду.

Я натянула спортивные брюки, нашла чистую кофту и побежала в ресторан. Зоя стояла посреди кухни в белом колпаке и с выражением человека, которому сообщили, что сегодня он лично ответственен за мировой порядок.

— Вот, — сказала она, указывая на список блюд. — Рыба в сливочном соусе, две порции без молочного, три без лука и один вообще ничего не ест, потому что «осознанное питание». Я могу сделать запечённую рыбу, картофель и салаты. Но эти ваши красивости на тарелке пусть кто-нибудь другой выкладывает.

— Зоя, только не увольняйтесь сегодня, пожалуйста.

— Да куда я денусь. Мне до пенсии ещё два года. Своего рыбака не нашла, буду вашего кормить.

Я рассмеялась. Потом открыла смету. Корпоратив был не огромный, но заказчик, фирма по поставке строительных материалов, оплатил ужин за двадцать четыре человека и аренду зала. Гостей ожидали два дня лекций, прогулка по лесу и вечер с руководством. Отмена ужина означала возврат денег, недовольство и весьма вероятный срыв дальнейших контрактов. Отель и так не мог позволить себе лишние потери.

— Нужно согласовать изменения с клиентом, — сказала я. — Не хочу, чтобы люди увидели вместо красивого ужина

неожиданную столовую.

— Красиво накроем. Ты мне только официантов дай. И не пускай Андрея Павловича сюда с указаниями.

Судя по тону, последнюю просьбу она повторяла не впервые.

Через час всё стало хуже. Один официант заболел вместе с Кириллом, второй попросил уйти к ребёнку на школьный концерт. Поставщик привёз вместо рукколы три коробки обычного салата, а в ресторане в тот самый момент решили, что посудомоечная машина может работать только с открытой дверцей.

Я ходила по кухне с блокнотом, говорила быстрее обычного и то и дело теряла ручку. Однажды нашла её в кармане штанов, дважды — в волосах. На третий раз Лида молча привязала её ленточкой к блокноту.

— Я сейчас с ума сойду, — сказала я.

— Не сегодня. У нас группа в семь.

Мы обзвонили тех, кто мог выйти на подработку. Двое отказались, один согласился приехать к шести. Я попросила администратора из второй смены помочь на выдаче блюд, сама отправилась на склад за дополнительными скатертями. Там обнаружился Андрей.

Он стоял у стеллажа, под которым подтекала труба, и разговаривал с техником.

— Почему я узнаю, что Кирилл болен, от поставщика? — спросил он, заметив меня.

У меня сразу сжался живот.

— Потому что я не успела вам сказать. Мы занимаемся заменой меню.

— И как?

— Плохо, — честно ответила я. — Но пока не катастрофа.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Что вам нужно?

Я почему-то растерялась. Не ожидала этого вопроса. Готовилась объясняться, защищаться, просить разрешения на дополнительные расходы.

— Человек, который умеет носить тарелки и не спрашивать каждые две минуты, зачем мы это делаем.

Андрей молча снял часы.

— Где переодеться?

— Что?

— Куда идти? Я умею носить тарелки. Даже две одновременно, представляете.

Я смотрела на него, совершенно не понимая, шутит ли он.

— Вы серьёзно?

— Алина, у меня ресторан, в котором сегодня ужинают двадцать четыре платёжеспособных человека. Мне сейчас не нужно выглядеть собственником. Мне нужно, чтобы они поели.

Он закатал рукава тёмной рубашки и пошёл за мной.

Зоя увидела его у порога и креститься не стала только потому, что руки были заняты тестом.

— Андрей Павлович, если вы пришли проверять, почему у нас петрушка не по линейке, лучше сразу уходите.

— Пришёл работать.

— Тогда мойте руки. И повяжите фартук, не пугайте людей дорогой рубашкой.

Я впервые увидела, как Андрей совершенно спокойно выполняет чужие распоряжения. Он вымыл руки, надел фартук, начал чистить овощи и спросил у Зои, можно ли перенести стойку с закусками ближе к окну. Она сказала: «Можно, если потом сами отодвинете». Он согласился.

Это казалось странно привлекательным. Не сам фартук, разумеется. Не мужчина с картофелечисткой. А то, что он мог перестать быть важным, когда нужно было помочь.

К пяти часам я успела договориться с клиентом о новом меню. Руководитель группы, полноватый мужчина по имени Роман, только спросил:

— Главное, чтобы люди поели. У меня после трёх часов лекций начальники становятся опасны. Вы гарантируете ужин?

— Гарантирую, — сказала я, хотя в глубине души всё ещё не была уверена, что гарантирую хотя бы собственное спокойствие.

Потом произошла нелепость. Я несла поднос с бокалами, когда с кухни выбежал Саша с коробкой лампочек. Мы столкнулись у поворота. Поднос накренился, два бокала полетели на пол, а я выругалась так громко, что в ресторане на

секунду стало тихо.

— Чёрт! Да что сегодня за день!

Бокалы, к счастью, были пустые. Саша попытался помочь, но наступил на осколок и тоже выругался. Лида прибежала с веником. И только тогда я поняла, что стою у стены и плачу.

Не рыдаю навзрыд, не устраиваю спектакль. Просто слёзы текут сами, а я вытираю их ладонью, размазывая по лицу что-то липкое. Может, соус. Может, тушь. Господи, какая разница.

— Я сейчас, — сказала я, не глядя ни на кого. — Я сейчас всё уберу.

— Алина, отойди от стекла, — услышала голос Андрея.

Я подняла глаза. Он стоял напротив в белом фартуке, на котором красовалось большое пятно от свёклы.

— Я не специально. Простите. У нас и так людей мало, а я ещё…

— Я вижу. Отойди, пожалуйста, а то порежешься.

Он сказал это совсем не так, как разговаривал со мной на совещаниях. Тихо, без раздражения. И я сделала шаг назад, хотя обычно в таком состоянии только ещё сильнее суетилась.

— Можно воды? — спросила я.

Он принёс стакан, дождался, пока я выпью. Не стал говорить, что ничего страшного. Не стал хлопать по плечу. Просто стоял рядом, пока Лида убирала стекло.

— Мне так стыдно, — прошептала я.

— За что?

— Я обещала ужин. А сама расклеилась из-за двух бокалов.

— Ты расклеилась не из-за бокалов, — сказал Андрей. — Это заметно.

Я хотела спросить, что ему заметно и почему он разговаривает так, будто знает меня много лет. Но он посмотрел на часы, лежавшие на подоконнике, и произнёс:

— У нас два часа. Давай закончим, потом будешь думать, как сильно тебя раздражает весь мир.

Я засмеялась сквозь слёзы. Не очень красиво. Зоя, проходя мимо, сунула мне в руку салфетку и сообщила, что на такое лицо официанта гостей выпускать нельзя. Пришлось идти умываться.

За ужином всё неожиданно получилось.

Гости ели запечённую рыбу, хвалили картофель и просили добавки. Зоя даже успела сделать маленькие пирожки с яблоком, потому что «ну не подавать же этим людям один чай». Андрей разносил тарелки так уверенно, будто всю жизнь подрабатывал в ресторанах. Один мужчина из группы попросил его принести ещё воды и, заметив часы на подоконнике, спросил у меня:

— Это у вас официанты такие важные?

— Сегодня особенный день, — ответила я. — У нас вся команда особенная.

Позже я узнала, что Андрей начинал свою карьеру не с

собственных ресторанов, а с обычной смены в придорожном кафе. В пятнадцать лет подрабатывал у матери знакомой, мыл посуду и ненавидел запах жареного лука. Но тогда он ничего об этом не сказал. Просто продолжал выносить блюда, пока последний гость не попросил счёт.

К одиннадцати ресторан опустел. Мы с Лидой разобрали столы, Зоя отправила домой уставшего официанта, Саша наконец отремонтировал дверцу посудомойки. Я держалась до последнего, но когда увидела гору использованных салфеток, вдруг поняла, что ноги почти не слушаются.

— Садись, — сказал Андрей.

— Надо закрыть кассу.

— Ирина закрыла. Садись.

Он поставил передо мной тарелку с маленьким яблочным пирогом. Даже не пирогом, скорее остатком от тех, что Зоя пекла для гостей. На тарелке было немного сахарной пудры, больше для вида.

— Она оставила тебе. Сказала, что ты весь вечер ничего не ела.

Я взяла вилку. Первые два кусочка проглотила почти не чувствуя вкуса.

— Спасибо за помощь, — сказала я.

— Я тоже работаю здесь, Алина.

— Знаю. Только мне казалось, вы максимум согласовываете платежи и смотрите на всех с осуждением.

Он усмехнулся.

— Значит, впечатление испорчено.

Мы сидели за маленьким столом у окна. Гасли лампы, за стеклом чернел залив. В ресторане пахло яблоками, мокрыми скатертями и кофе, который наконец приготовили без адского скрежета.

Я заметила у Андрея на пальце небольшую полоску крови.

— Вы порезались?

Он посмотрел на руку.

— Мелочь.

— Можно? — спросила я, потянувшись к его ладони.

Он не сразу ответил. Потом протянул руку.

У меня в сумке всегда лежали пластыри. Не знаю, откуда взялась эта привычка. Наверное, после многих лет работы с гостями, которые умудрялись порезаться даже бумажным браслетом. Я достала маленький прозрачный пластырь, протёрла кожу салфеткой и аккуратно заклеила царапину.

Кожа у Андрея была тёплая. На запястье шёл тонкий след от часов. Я держала его пальцы на секунду дольше, чем требовалось.

— Всё, — сказала я и отпустила руку.

— Спасибо, доктор.

— Не благодарите. За рабочие разговоры я выставляю счёт.

Он рассмеялся, и я, как последняя дурочка, обрадовалась: он помнил нашу переписку.

В этот момент пришло сообщение от Кости: «Карина в

больнице. Меня сегодня нет дома. Если будешь звонить, лучше завтра».

Я прочитала и застыла.

Мне не нужно было знать, где он. И уж точно не нужно было знать, в какой больнице находится женщина, от которой он ждёт ребёнка. Но сердце противно ёкнуло. Прежде всего от страха: с малышом что-то случилось? Потом от ревности, такой мгновенной и некрасивой, что стало стыдно перед самой собой. Он с ней. Он заботится о ней. Наверняка держит за руку, подносит воду, расспрашивает врача.

Когда-то всё это было моим.

— Всё хорошо? — спросил Андрей.

Я перевернула телефон экраном вниз.

— Да. Просто муж написал.

Он осторожно отодвинул тарелку.

— Вам нужно ответить?

— Нет. — Я помолчала. — Мы разводимся.

Слова прозвучали в пустом ресторане неожиданно громко. Я не собиралась говорить ему. Тем более сейчас, после такого тяжёлого вечера, когда хотелось хотя бы немного побыть человеком, у которого всё получилось.

— Понимаю, — сказал он.

— Вряд ли. Он… — Я замялась. — У него будет ребёнок. От другой женщины. А я почему-то всё ещё боюсь, когда вижу его имя на экране. Глупо, да?

Андрей посмотрел не на меня, а в окно.

— Не думаю, что это глупо.

Я ждала продолжения. Совета, вывода, неожиданной мужской мудрости. Но он молчал.

— Простите. Это лишнее, — сказала я наконец.

— Алина, не извиняйтесь за то, что вам больно.

У меня снова защипало глаза. Я ненавидела эту особенность последних дней: стоило кому-то сказать простую человеческую вещь, как организм воспринимал её за разрешение немедленно расплакаться.

— Я пойду, — прошептала я.

— Проводить?

— Не надо. Я здесь уже знаю дорогу.

На пороге я обернулась. Андрей всё ещё сидел за столом, усталый, в рубашке с закатанными рукавами и с моим нелепым маленьким пластырем на пальце.

Я задержалась у двери. Очень хотелось, чтобы он попросил не уходить. Даже страшно захотелось.

Но он не попросил. И, наверное, именно поэтому я вышла, сохранив хоть немного самообладания.

Уже в домике я получила от него сообщение: «Зоя сказала, утром к восьми будет бульон. Если не хочешь завтракать, хотя бы выпей».

Я перечитала его трижды.

Потом написала: «Хорошо».

И добавила смайлик. Самый обычный, с улыбкой.

Стерла.

Удалить последнее слово оказалось труднее, чем написать весь текст. В итоге я отправила сообщение без ласкового обращения. Пальцы дрожали. Вот так, оказывается, выглядит взрослая жизнь: женщина сорока лет сидит в темноте и плачет из-за двух букв.

Лежала в темноте и думала не о том, как Костя сидит в больнице рядом с Кариной, а о том, почему мне так жалко было удалять дурацкую улыбающуюся рожицу.

Глава 7. Почти подруга

Лида была человеком, который мог одновременно отвечать на звонок, выдать ключ и поругаться с поставщиком. Я думала, такие люди существуют только в сериалах. Ошибалась.

Она быстро ходила, быстро разговаривала, быстро печатала на клавиатуре двумя пальцами. За время, пока я искала в сумке ключи от служебного кабинета, Лида успевала заселить семью, успокоить женщину с потерянным чемоданом и трижды объяснить по телефону дорогу к отелю человеку, который явно решил подъехать к нам со стороны Норвегии.

— Ты когда-нибудь сидишь спокойно? — спросила я в понедельник утром.

— Когда болею. Но тогда мне скучно, и я всё равно переписываюсь с ресепшеном.

— Это диагноз.

— Зато зарплата приходит без справки.

Мы сидели в кабинете за стойкой и перепроверяли смены.

До моего приезда график составляли в общем чате, преимущественно ночью, когда у кого-нибудь внезапно выяснялось, что в четверг у ребёнка спектакль или у мужа день рождения. У одного администратора было сорок восемь часов за неделю, у другого двадцать четыре. Причём оба считали, что работают больше всех.

Я предложила составить расписание на месяц вперёд и оставить отдельный список замен. Лида отнеслась к идее с осторожным оптимизмом.

— Ты понимаешь, что они сначала тебя возненавидят?

— Почему?

— Потому что раньше можно было написать «я не могу» и ждать, пока кто-нибудь другой найдёт решение.

— А теперь?

— Теперь придётся заранее думать. Это тяжело. Особенно нашим мужчинам.

Она произнесла это достаточно громко, чтобы за стеной услышал Саша.

— Я всё слышу! — крикнул он.

— Вот! — обрадовалась Лида. — Значит, слух у тебя есть. Осталось научиться читать рабочие заявки.

Я хохотнула и уронила ручку. После недели здесь меня начали смешить совершенно глупые вещи. Наверное, это был хороший признак. Хотя я всё ещё просыпалась по ночам и шарила рукой по пустой половине кровати.

Лида распечатала график, потом увидела мой взгляд и

вдруг спросила:

— Ты давно замужем?

Я замерла.

— Была. Шестнадцать лет.

Она даже не стала делать вид, что не поняла.

— Извини. Я лезу не туда.

— Нет, всё нормально.

— У нас тут многие поначалу рассказывают о себе только то, что связано с работой. А потом выясняется, что человек живёт рядом полгода и никто не знает, что у него дома кошка, трое детей или сосед-психопат.

— А у тебя что дома?

— Мама и кот. Кот психопат, мама хорошая. Хотя оба орут, если я задерживаюсь.

Мы рассмеялись.

Лиде было двадцать семь. Она жила в посёлке в десяти километрах от отеля, копила на отдельную квартиру и два года назад рассталась с мужчиной, который обещал жениться «когда встанет на ноги». Судя по её рассказу, мужчина до сих пор не стоял. Зато исправно проверял, не вышла ли Лида замуж за кого-нибудь более устойчивого.

— Недавно написал: «Ну что, нашла себе лучше?» — сообщила она. — Я ответила: «Пока только стоматолога, но уже прогресс». И заблокировала.

Мне стало смешно и грустно одновременно. В двадцать семь я тоже могла бы написать что-нибудь остроумное и пой-

ти на свидание. В сорок всё казалось сложнее. Будто одно расставание стирало целую жизненную программу, а новую никто не выдавал.

— А ты хочешь снова замуж? — спросила Лида.

Я отодвинула лист с графиком.

— Я сейчас хочу, чтобы вечером никто не спрашивал меня, почему я опять не купила молоко.

Она кивнула так серьёзно, будто мы обсуждали стратегию государственной безопасности.

— Нормальное желание.

За дверью послышались голоса. Галина Ивановна спорила с Ириной о начислениях. По её словам, горничным недоплатили за дополнительные смены. Ирина утверждала, что всё посчитано правильно.

— Пойдём, — сказала я. — Заодно проверим.

На проверку ушёл весь день.

Выяснилось, что доплаты начисляли по табелю, который составляли в конце месяца. В нём учитывали официальные смены, но не всегда фиксировали, когда горничная выходила дополнительно убирать номер после позднего выезда. Иногда за это выдавали наличные из хозяйственной кассы, иногда обещали отгул, иногда просто забывали. Злого умысла я не нашла. Нашла разболтанную систему, где люди уже привыкли считать друг друга обманщиками.

Галина Ивановна сидела у меня напротив, напряжённо выпрямив спину.

— Я не за себя прошу, — сказала она. — У меня девочки по два автобуса на смену ездят. Иной раз задержатся до десяти. А потом им говорят, что они сами вызвались. Долго так не проработаешь.

Мне стало неловко. Я могла себе позволить снять квартиру в Петербурге, если понадобится. У меня были накопления, опыт, контакты. Я очень боялась остаться одна, но не боялась, что не хватит денег на автобус до работы. Это были разные страхи, и чужой не становился менее важным только потому, что мой сейчас болел сильнее.

— Давайте поднимем последние два месяца, — сказала я. — И посмотрим, кому что должны. Только без обещаний, которые я не смогу выполнить. Сначала цифры.

Галина Ивановна недоверчиво кивнула.

Вечером Ирина принесла расчёт. Общая сумма оказалась небольшой по меркам бизнеса, но для двух девушек — ощутимой. Я пошла с документом к Андрею.

Он внимательно прочитал.

— Почему этого не обнаружили раньше?

— Потому что никто не собирал фактические выходы. Каждый считал отдельно.

— Кому сколько должны?

Я показала таблицу.

— Выплатим, — сказал он. — Со следующего месяца работаем по вашему графику. Ирина пусть сделает корректировку.

Я облегчённо выдохнула.

— Спасибо.

Он посмотрел на меня поверх очков, которые иногда надевал при работе с документами.

— Счёт за благодарность выписывать?

— Не надо. Я уже поняла, что вы экономите на каждом хорошем слове.

Уголок его рта дрогнул.

— Просто не хочу, чтобы вы думали, будто я великодушный благотворитель. Эти деньги им положены.

Я вдруг заметила, что он устал. Под глазами лежали тени, на столе стояла холодная чашка, а рубашка была застёгнута не на ту пуговицу у воротника. Не знаю, почему такие мелочи трогали меня сильнее красивых жестов. Наверное, потому, что Костя всегда умел выглядеть безупречно, даже когда говорил чудовищные вещи.

— Вы сегодня обедали? — спросила я.

Андрей удивился.

— Не помню.

— У нас на кухне суп есть. Зоя вчера сварила, очень вкусный.

— Вы сейчас меня кормить собрались?

— Похоже, да. Извините. Профессиональная деформация.

Он откинулся на спинку кресла.

— Поешьте сами, Алина. Вы тоже сегодня без обеда.

Я покраснела. Как он заметил?

Мы разошлись, не договорив. Я вернулась к Лиде, а через десять минут на стойку принесли два контейнера с едой. На пакете лежала записка: «Суп. Один вам, второй мне. Чтобы не было претензий к нарушению субординации».

Лида увидела записку первой.

— Ничего себе.

— Что?

— Андрей Павлович нам с тобой супы заказывает? Это уже новости региона.

— Он просто не хотел, чтобы я голодала.

— А я что сказала?

Я сделала вид, что очень внимательно изучаю таблицу заселений.

Лида, конечно, тут же заинтересовалась. Я рассказала, что Андрей помогал на ужине, и увидела, как у неё поднялись брови.

— Он был на кухне? В фартуке?

— Да.

— И Зоя выжила?

— Более того. Командовала им.

Лида схватилась за грудь.

— Я столько лет работаю здесь и всё пропустила.

— Лид, перестань. Он начальник. Я сотрудница. Мы просто делали работу.

— Конечно. Я вообще ничего не говорю.

Она произнесла это тоном человека, который собирается говорить на эту тему минимум до конца месяца.

Вечером у меня был выходной час, и я пошла к воде. Отель оставался за спиной, впереди тянулась узкая песчаная полоса. Волны тихо шуршали у берега. Я сняла кроссовки, опустила ноги в холодный песок и вдруг вспомнила, как мы с Костей ездили на Балтику в первые годы брака. Тогда у нас почти не было денег, мы снимали комнату без телевизора, ели бутерброды на пляже и считали, что всё самое лучшее впереди.

Я вытащила телефон. В галерее нашла старые фотографии. На одной мы целовались на фоне серого моря, на другой я держала в руках бумажный стаканчик кофе, а Костя кривлялся за моей спиной.

Раньше эти снимки были доказательством счастья. Теперь я не понимала, чем они стали. Ложью? Нет. В тот день мы действительно были счастливы. Я видела это по своим глазам. И от этой мысли почему-то было больнее, чем если бы он всегда был чужим человеком.

Я не удержалась и позвонила ему.

Он ответил после третьего гудка.

— Алин?

Одного этого звука хватило, чтобы у меня задрожало горло.

— Привет. Я… просто хотела спросить, как Карина.

Зачем я это сказала? Господи, зачем? Я ведь не хотела

знать. Хотела услышать знакомый голос, убедиться, что Костя существует в мире, где мне можно до него дозвониться. Но вместо этого выбрала самый болезненный вопрос на свете.

— Уже лучше, — ответил он с осторожным облегчением. — Была угроза, врачи перестраховались. Сейчас дома. Алин, спасибо, что спросила.

Я закрыла глаза.

— Ты у неё?

— Да.

Пауза.

— Понятно, — сказала я.

Он вздохнул.

— Давай я завтра приеду к тебе. Где ты там? Мы нормально поговорим.

— Не надо.

— Алина, не веди себя ребёнком. Нам нужно обсудить квартиру. И машину. И вообще, сколько можно прятаться?

Вот тут мне захотелось швырнуть телефон в воду. Не из-за квартиры. Из-за слова «прятаться». Я стояла босиком у холодного залива, работала с утра до ночи в чужой гостинице, ела суп из контейнера и пыталась жить дальше. А мой муж, сидящий рядом с другой женщиной, объявил, что я прячусь.

— Я не прячусь, Кость. Я работаю.

— Я тоже работаю. Но это не значит, что можно игнорировать ответственность.

Я засмеялась и заплакала одновременно. Нелепое сочетание. Наверное, со стороны казалось, что я совсем поехала крышей.

— Ответственность? — переспросила я. — Ты сейчас правда решил поговорить со мной об ответственности?

— Опять начинается.

— Да! Опять! Потому что, когда ты говоришь, что я веду себя как ребёнок, мне хочется сказать тебе, что ты взрослый мужчина и мог бы хотя бы не делать вид, будто виноваты мы оба одинаково!

Я говорила громче, чем хотела. Голос разносился над водой. За спиной кто-то прошёл по дорожке, но мне уже было всё равно.

— Я позвоню адвокату, — произнёс Костя наконец. — Он свяжется с тобой.

— Хорошо.

Он отключился первым.

Я сидела на песке, пока не замёрзли ноги. Плакала, потом перестала. Снова нашла старую фотографию и не смогла её удалить. Решила, что не обязана делать это сегодня. Может, вообще никогда. Память не становится ядом только потому, что конец истории вышел отвратительным.

Когда я вернулась в отель, Лида ещё сидела на стойке. Посмотрела на меня и сразу всё поняла.

— Иди сюда, — сказала она.

— Я такая дура.

— Возможно. Но у нас тут коллективное членство в клубе дур, так что проходи.

Я засмеялась и позволила ей себя обнять.

Мы потом пили чай в служебной комнате. Она рассказала, что мать печёт на заказ пироги, а кот однажды съел целый кусок шарлотки и потом два дня делал вид, будто его отравили. Я слушала, кивала, иногда улыбалась.

В какой-то момент пришло сообщение от Андрея: «График утвердил. С выплатами разобрались. Хорошая работа».

Я показала экран Лиде.

— Смотри, он меня похвалил.

Она торжественно подняла кружку.

— Исторический момент. Надо отметить.

И мы чокнулись чаем.

Костю я не разлюбила. Вечером всё равно проверила телефон и разозлилась на себя. Но перед сном вспомнила не его. Вспомнила, как Лида смеялась, и мне стало чуточку легче.

Не знаю, когда именно это стало важным. Наверное, постепенно. Как всё настоящее.

Глава 8. Ваши методы не работают

На девятый день работы Андрей прислал письмо, и у меня снова зачесались руки написать ему что-нибудь невежливое. Человек умудрялся испортить настроение даже шрифтом письма. Или это я уже слишком внимательно ждала его сообщений.

В восемь утра от него пришло письмо: «Предлагаю сни-

зить цены на будни на 30%. Нам нужен поток. Обсудим в 10:00».

Я прочитала письмо за завтраком. Перечитала. Потом взяла калькулятор и стала считать, сколько мы заработаем, если будем заселять больше людей, но кормить, убирать, стирать бельё и топить номера фактически в подарок. Получалось не весело.

Зоя поставила передо мной омлет.

— Ты с яйцами разговариваешь?

— С начальством.

— Тогда ешь. Яйца хотя бы слушают.

В десять я пришла к Андрею с двумя листами расчётов и дурным предчувствием. Он сидел за столом, телефон был включён на громкую связь. На экране ноутбука красовалась презентация рекламного агентства, которое предлагало «вывести объект в безусловные лидеры эмоционального туризма». После этой фразы мне захотелось спросить, где они берут людей, способных произносить такие вещи, не краснея.

Андрей отключил звонок и посмотрел на меня.

— Видели письмо?

— Видела.

— Что думаете?

— Думаю, что это плохая идея. Простите.

Он вздохнул.

— Я же просил не извиняться, когда вы не согласны.

— Знаю. У меня пока не получается.

Я положила на стол расчёты. На одном листе было написано, сколько денег остаётся от номера после комиссии посредника, уборки, завтрака, коммунальных расходов. На другом — сколько мы теряем, если начинаем продавать те же номера на треть дешевле, но не меняем способ их обслуживания.

— Смотрите, — сказала я. — В субботу люди едут за видом и тишиной. Во вторник им нужна причина ехать сюда вообще. Не низкая цена сама по себе. У нас нет бассейна, который можно продавать круглый год, нет большого спа, нет массового потока. Зато есть тихий зал для небольших команд, хорошие номера и возможность нормально поработать без города под окнами.

— Я всё это знаю.

— Тогда зачем скидка тридцать процентов?

— Потому что пустые номера тоже стоят денег.

— А заполненные слишком дешёвыми бронированиями могут стоить дороже.

Он постучал пальцем по столу.

— И что вместо этого?

Я разложила ещё два листа. Не презентацию на сорок слайдов, а обычное предложение: двухдневные будние пакеты для маленьких компаний, отдельная цена за зал, питание по меню, возможность прямого бронирования без посредников. Список местных фирм, которым можно предложить формат, и черновик письма, составленный без слов «экосистема» и «синергия».

— Нам нужен один человек на продажи, — сказала я. — Пока можно совместить с администратором, но за обращения придётся отвечать лично. И ещё я хочу сделать страницу с понятными условиями, а не просто красивыми соснами.

— Это дополнительные расходы.

— Да.

— Время?

— Две недели на первые обращения. Месяц, чтобы понять результат.

— У вас всего три месяца, Алина. Не год. Я не хочу запускать маркетинговую революцию под продажу.

Меня словно ткнули под рёбра. Опять этот срок. Опять продажа. Как будто каждое предложение, которое я приносила, он смотрел через стекло чужого будущего.

— Тогда зачем вы вообще меня наняли? — спросила я.

— Чтобы наладить работу. Не чтобы тратить деньги на эксперименты.

— То есть исправить ошибки можно, а попробовать заработать нельзя?

— Не передёргивайте.

Мне стало жарко. Я знала, что он в чём-то прав. Деньги нужно считать. План можно проверить маленьким тестом. Нормальный профессиональный разговор. Но в голове уже стучало другое: меня опять попросили сделать всё правильно, не изменяя ничего по существу. Привести в порядок то, что всё равно собираются оставить.

— Вы хотите, чтобы я поддерживала витрину красивой, пока сюда придёт покупатель, — произнесла я. — А что будет с людьми, вам неважно.

— Я этого не говорил.

— Вы и о продаже не говорите, когда сотрудники рядом.

— Потому что я не собираюсь устраивать панику до реального предложения.

— Они заслуживают знать.

Андрей откинулся на спинку кресла. Впервые за весь разговор он выглядел по-настоящему раздражённым.

— Алина, ваши методы не работают, если вы превращаете каждое деловое решение в разговор о том, хороший ли я человек.

Я хотела ответить. Вместо этого голос предательски дрогнул.

— Я не говорила, что вы плохой.

— Тогда перестаньте слушать мои предложения так, будто я собираюсь вас обмануть.

Вот это было больно. Не потому, что он знал про Костю. А потому, что я понимала: я действительно именно так и слушала. Любой мужской голос, любое предложение, любую уверенность теперь проверяла на скрытое предательство.

— Вы не знаете, как я слушаю, — сказала я.

— Знаю, что не хочу отвечать за поступки вашего мужа.

Слова сорвались у него раньше, чем он успел их удержать. Я увидела, как у него изменилось лицо. Но слова уже про-

звучали.

Я встала так резко, что стул царапнул пол.

— Вы совершенно правы, — сказала я. — Не отвечаете. И никогда вас не просила.

Я собрала листы, хотя руки тряслись и один упал. Нагнулась, подняла. Хотелось уйти красиво, но вместо этого я зацепилась сумкой за спинку стула, и вся сцена превратилась в какое-то жалкое представление.

— Алина, подождите.

— Мне нужно работать.

Я вышла в коридор, прошла лестницу, потом ещё одну дверь и очутилась на улице. Там был ветер. Он дул прямо в лицо, разбрасывая волосы, и мне впервые за утро стало легко дышать.

Я не плакала. Злилась. На Андрея за жестокость, на себя за то, что опять разозлилась слишком быстро. На Костю, который вообще не имел никакого отношения к этому разговору, но каким-то образом присутствовал в каждом моём дне.

Через пятнадцать минут я позвонила Лиде и сказала, что буду в служебном кабинете. Она ничего не спросила, только принесла мне чай и закрыла дверь.

Я села за компьютер, открыла расчёты и заставила себя проверить их ещё раз. Вдруг Андрей прав? Вдруг идея с пакетами действительно не окупится? Было ужасно страшно обнаружить ошибку. После одной проваленной семьи мне очень хотелось не провалить хотя бы работу.

Числа остались прежними. Я перепроверила себестоимость и поняла, что можно сократить риск: сделать тест только на восемь будних заездов, а затем сравнить результаты. Не нанимать никого пока. Не печатать буклеты. Просто рассылка, отдельная страница на сайте и звонки.

Я дописала предложение, затем увидела на столе телефон. На экране было сообщение от Андрея.

«Я был неправ. Не должен был упоминать вашего мужа. Простите».

Я прочитала. Потом ещё раз. Вроде бы ничего особенного, обычное извинение из семи слов. Но за последние годы я привыкла слышать: «Ты меня вывела», «Ты опять всё поняла не так», «Я не хотел, но ты же знаешь себя». И теперь почему-то не знала, что делать с человеком, который просто признал ошибку.

Написала: «Спасибо». Удалила.

Написала: «Вы меня обидели». Удалила.

В конце концов оставила телефон и пошла к нему сама.

Андрей сидел у окна. Без ноутбука, без бумаг, словно действительно ждал. Когда я вошла, он поднялся.

— Можно? — спросила я, хотя уже стояла в кабинете.

— Конечно.

Мы помолчали.

— Я тоже была неправа, — сказала я. — Мне кажется, что все решения вокруг меня заканчиваются тем, что я узнаю о них последней. Это не ваша проблема.

— Я не должен был делать из этого оружие.

— Не должны, — согласилась я. — Мне было очень неприятно.

Он кивнул.

— Понимаю.

— И ещё… — Я достала из папки новый лист. — Я пересчитала. Можно проверить идею почти без дополнительных затрат. Тест на восемь заездов. Если не пойдёт, я признаю, что ошиблась.

Он взял лист, прочитал. Я стояла рядом и замечала каждую мелочь: как он чуть хмурится на третьей строке, как проводит большим пальцем по краю бумаги, как пахнет его кабинет — деревом, кофе и чем-то ненавязчиво чистым, может быть, мылом.

И тут меня осенило, что я хочу, чтобы он согласился, не только потому, что это хорошее рабочее решение. Мне хотелось увидеть, что он на моей стороне.

Очень опасное желание.

— Здесь уже интереснее, — сказал Андрей. — Пробуйте. Только ежедневный отчёт по обращениям. Без красивых слов.

— Я красивыми словами не торгую.

Он посмотрел на меня.

— Иногда стоило бы.

Я не сразу поняла, что он шутит. Потом улыбнулась.

Внизу хлопнула дверь. Кто-то крикнул, что привезли бе-

льё. Андрей отложил бумагу.

— Договорились?

— Да.

Я уже собиралась уходить, когда он сказал:

— Алина, я действительно ценю вашу работу. Даже когда не согласен с вами.

Мне захотелось ответить что-нибудь лёгкое. Пошутить про счёт за благодарность. Но я вдруг почувствовала, что сейчас расплачусь, если скажу хотя бы слово.

— Я постараюсь не подвести, — выговорила я.

— Я не об этом. Вы можете ошибаться. Вы здесь не на экзамене.

Я посмотрела на него. Андрей был почти на голову выше меня, и на фоне окна казался ещё более суровым, чем обычно. Но сейчас в его лице не было ни раздражения, ни привычной спешки.

— Вы тоже можете, — сказала я тихо.

Он улыбнулся.

— Уже продемонстрировал.

Мы посмотрели друг на друга чуть дольше, чем требовалось. Я первая отвела глаза.

Вернувшись на стойку, я обнаружила, что Лида украдкой наблюдает за мной поверх монитора.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Ты прямо светишься.

— Мы договорились о тесте для корпоративных брониро-

ваний.

— Это невероятно романтичная причина.

— Лид!

— Молчу. Я вообще тихая женщина.

Она тут же громко уронила стопку папок и объявила, что виноваты гравитация и мой плохой пример.

Вечером я купила себе вещь, которую никто не велел покупать и без которой вполне можно было прожить: маленькую баночку крема для рук с запахом белого чая. Зашла в местную аптеку за пластырями и увидела его на полке. Ничего особенного. Но захотелось пахнуть чем-то приятным. Просто для себя.

В домике я долго держала баночку открытой, вдыхая запах. Потом поймала себя на дурацкой мысли: заметил бы Андрей?

И расстроилась.

Мне было сорок лет. Я переживала развод, делила имущество, строила работу заново. А вечером могла сидеть на кровати и представлять, замечает ли мужчина чужой крем для рук.

Впрочем, у людей бывают проблемы и хуже. Например, они могут писать письма про «эмоциональный туризм» и за это получать деньги.

Глава 9. Невеста без права на ошибку

К свадьбе Полины мы готовились так, будто собирались запускать корабль.

За две недели я успела семь раз поговорить с ведущим, четыре — с фотографом, три — с матерью невесты и бесконечное количество раз с самой Полиной. Она присылала мне картинки столов, которые видела в интернете, спрашивала, не слишком ли грустные у нас белые салфетки, потом просила вернуть белые, потому что бежевые, оказывается, «смотрятся как усталость».

Я старалась не смеяться. Шесть лет назад я сама выбирала наволочки в семейную спальню так, словно от этого зависела долговечность брака. Теперь, кажется, могла бы сдать кандидатскую диссертацию на тему того, насколько плохо цвет текстиля защищает от измен.

За два дня до свадьбы позвонил ведущий.

— Алина, есть небольшая проблема.

— Какого размера?

— Вокалистка группы заболела. У нас не будет живой музыки.

Я зажмурилась.

— Вы же подписали договор на выступление.

— Подписали. Но форс-мажор. Мы можем поставить плейлист.

— На первый танец Полина выбрала живое исполнение. Это для неё важно.

— Понимаю. Но я же не могу заставить человека петь с температурой.

И тут я совершенно по-детски захотела сказать: «А я не

могу заставить жениха не изменять, но почему-то мир не остановился». Вслух, разумеется, этого не произнесла.

Мы начали искать замену. У Зои оказался племянник, который играл на саксофоне в баре Петербурга. У Лиды — знакомая певица, занятая на другом мероприятии до восьми. У Саши, как выяснилось, был брат, профессионально игравший на баяне, но по единодушному решению команды мы не стали делать из свадьбы народные гулянья.

К вечеру вопрос почти решился. Договорились с дуэтом, который мог приехать после девяти, а первый танец перенесли на более позднее время. Полина выслушала изменения по телефону.

— То есть всё будет не как я хотела, — сказала она.

Я сидела у стола на ресепшене и очень старалась не раздражаться.

— Будет по-другому, — ответила я. — Но музыка будет живой. Мы подобрали хороших исполнителей, я отправлю вам записи. Если вам не понравится, найдём ещё вариант.

Полина помолчала.

— Алина, я знаю, что веду себя как психованная. Просто у меня мама второй месяц повторяет, что свадьба должна быть идеальной. А я уже не помню, зачем вообще выхожу замуж.

Я медленно положила ручку.

— А зачем? — спросила я.

Она удивилась.

— Что?

— Зачем вы выходите замуж?

— Потому что люблю Женю.

— Ну вот. Остальное попробуем пережить.

Она засмеялась. Потом неожиданно всхлипнула.

— Вы не представляете, сколько всего на меня навалилось.

Я очень хорошо представляла. Слишком хорошо.

— Представляю, — сказала я. — Только по другой причине.

Мы ещё немного поговорили. Не об услугах. О том, как страшно начинать что-то важное, когда все вокруг хотят оценивать каждую деталь. Полина призналась, что последние три дня плачет из-за пустяков. Я сказала, что это нормально, и не добавила, что сама иногда плачу даже без свадьбы.

Утром лил дождь. К обеду поднялся ветер и едва не унёс скатерть вместе с вазами. К трём выглянуло солнце. Если бы погоду можно было уволить, я бы сделала это до приезда невесты.

Гости начали приезжать к пяти. Женщины в красивых платьях, мужчины в костюмах, дети, несущие подарки с видом людей, которым пообещали торт. В холле пахло цветами, духами и утюгом: одна гостья срочно просила погладить складку на платье, потому что на фотографиях это будет «ужасно видно».

Я ходила от кухни к террасе, проверяла рассадку, успокаивала официантов. В какой-то момент увидела в зеркале своё

отражение и ужаснулась. Волосы выбились из пучка, лицо усталое, на рубашке едва заметное пятно от кофе.

Когда-то на таких мероприятиях Костя писал: «Ты у меня самая красивая». Иногда присылал фотографию с работы, где сидел с коллегами, и подписывал: «Вот кого я жду дома».

Телефон в кармане молчал.

Я поймала себя на ожидании именно таких сообщений. Не мужа, которого уже не было рядом. А привычного ощущения, что кто-то на свете считает меня своей любимой женщиной.

Пришлось зайти в туалет, поправить волосы и строго сказать своему отражению:

— Алина, пожалуйста, не сегодня.

Отражение выглядело неубедительно, но хотя бы перестало плакать.

В шесть двадцать всё пошло наперекосяк.

Выяснилось, что дуэт, с которым мы договорились, застрял на трассе из-за аварии и не успеет к первому танцу. Лида побледнела. Ведущий предложил поставить фонограмму. Полина, уже в свадебном платье, услышала последние слова и заплакала так отчаянно, что я забыла про свои переживания.

— Я не хочу танцевать под телефон! — сказала она. — Я просила всего одну вещь!

— Полина, послушайте…

— Нет, не хочу! Все мне говорят «послушайте», а потом

делают что хотят. Мама выбирает цветы, ведущий песни, фотограф заставляет меня поворачиваться под лампу. Это вообще моя свадьба?!

Жених Женя стоял рядом и выглядел человеком, которого лишили права на собственные чувства. Он осторожно обнял её, но Полина вырвалась.

— Не трогай! У меня тушь потечёт!

Через секунду она сама прижалась к его плечу.

Я смотрела на них и вдруг почувствовала укол такой острой зависти, что стало стыдно. Они могли ссориться из-за музыки. Могли обнимать друг друга через минуту после ссоры. У них впереди, вероятно, будут трудности, ошибки, скучные счета за электричество, обиды. Но сегодня они верили, что всё можно пройти вдвоём.

У меня эту веру отняли одним фисташковым тортом.

Я поймала себя на совершенно дурацком желании написать Косте: «Помнишь, как мы сбежали с нашей свадьбы?» Даже достала телефон. На экране висело старое фото: мы с ним молодые, растрёпанные, он держит меня за талию, а я смеюсь с полным ртом клубники.

Я так разозлилась, что нечаянно нажала кнопку вызова.

Сбросила сразу. Сердце колотилось. Через десять секунд он перезвонил.

Я смотрела на экран, пока звонок не прекратился. Потом пришло: «Ты звонила? Всё нормально?»

Нет, Костя. Не нормально. Но этого я ему не написала. И

только после этого побежала прятаться в прачечную.

— Мы сейчас решим, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Дайте мне двадцать минут.

В двадцать минут уместилось столько телефонных звонков, что я едва не уронила аппарат. Сначала нашла музыканта, который играл на скрипке в ресторане неподалёку. Он согласился подъехать к половине восьмого, но не знал выбранную песню. Потом Женя признался, что умеет играть на пианино, просто давно не садился за инструмент. В нашем лаунже стояло старое электронное пианино, купленное предыдущим управляющим ради красивых фотографий.

— Ты можешь сыграть? — спросила я жениха.

Он посмотрел на меня как на женщину, которая предлагает пройти по канату над заливом.

— Может, первую часть. Потом собьюсь.

— Тогда пусть начнёт скрипач. А ты подхватишь только тот кусок, который знаешь. Или вообще не будешь. Никакого подвига. Это же ваш вечер.

Женя согласился. Мы перенесли первый танец на полчаса. Гости ушли к закускам, ведущий провёл несколько лёгких конкурсов. Казалось, ситуация наконец взята под контроль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.